

Ирина ЗЕТКИНА

Макар ЕВСЕВЬЕВ

Саранск
Издатель Константин Шапкарин
Ассоциация выпускников МГУ им. Н. П. Огарева
2014

УДК 37.0
ББК 74.03 (2Р=6Морд)
379

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках ФЦП «Культура России»

379

Зеткина Ирина

Макар Евсевьев / Ирина Зеткина. — Са-
ранск : Ассоциация выпускников Мордов-
ского государственного университета им.
Н. П. Огарева ; Изд. Константин Шапкарин, —
2014. — 48 с.

Отпечатано в России. Тираж 1000 экз.

УДК 745/749
ББК 85.12

© Зеткина И. А., 2014
© Издатель Константин Шапкарин, 2014

Макар Евсевьевич Евсевьев – символ национальной культуры мордовского народа. Наследие ученого-энциклопедиста определило формирование комплекса отраслей национального научного знания (археологии, этнографии, истории, фольклористики, лингвистики, литературы, педагогики), развитие общественного движения и национальной школы. Личность Евсевьева стала персонифицированным символом национальной консолидации мордвы. Вся история культуры Мордовии XX века связана с именем и творчеством Макара Евсевьевича Евсевьева – ученого-энциклопедиста, педагога, просветителя. Значимость фигуры М.Е. Евсевьева осознавалась уже его современниками: и крестьянами, общавшимися с ним в мордовских селениях, и учеными, видевшими в нем «мордовского Лёнрота», собирателя истории и культуры родного народа, и общественными деятелями, воспринимавшими его как харизматическую личность, которая олицетворяла в себе народные идеалы, и учителями, практически воплощавшими его идеи национальной школы.

Научное наследие мордовского просветителя составляет золотой фонд старейших научных обществ России: Русского географического общества (РГО), Общества истории этнологии и этнографии (ОИАЭ), Финно-угорского общества (ФУО). Первыми оценили значение М.Е. Евсевьева для науки и культуры России такие выдающиеся ученые, как филологи А.А. Шахматов и А.Ф. Корш, историк И.Н. Смирнов, этнографы Н.М. Могилянский и А.Н. Пыпин, педагоги Н.И. Ильминский и Н.А. Бобровников. Высоко оценивали его труды известные финно-угроведы А. Хейкель, Е. Сеттеле, А. Хямяляйнен, П. Равила, Х. Паасонен, М.П. Веске и другие. Взлет славы Евсевьева приходится на двадцатые годы XX в., когда его идеи развития национальной культуры и образования стали находить свое воплощение в политике, теории и школьной практике.

Сегодня наследие выдающегося ученого, подвижника находится в активном научном обороте. Педагогические заветы просветителя определили направление развития Мордовского педагогического института его имени. Правительственная политика развития национальной культуры народов Мордовии последовательно опирается на программу национального возрождения.

ЭТАПЫ БИОГРАФИИ

Макар Евсевьевич Евсевьев родился 30 января 1864 г. в селе Малые Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Ибресинский район Чувашии) в мордовской семье крестьян Евсея Тихоновича и Ирины Петровны Кобаевых.

М. Кармалы исторически были селом с мордовско-чувашским населением. М. Е. Евсевьев писал, что кармалинская мордва «во времена она» вышла из мордовского села Пшенево. Традиционное соседство мордвы и чувашей М. Кармалов обусловило глубокое взаимопроникновение культурных традиций народов. Яркий пример тому происхождение фамилии самого Макара Евсевьевича, под которой он стал известен в России и в мире. Родовая топонимическая фамилия Кобаев автоматически в официальных бумагах трансформировалась в традиционную для чувашей отыменную Евсевьев, и это безболезненно было воспринято семьей.

По данным земской статистики в Малых Кармалах начала 70-х гг. XIX в. было 97 изб. Жители Кармалов занимались земледелием и лесными промыслами. Основная их часть относилась к крестьянам среднего достатка. Такой была и семья Макара.

Уклад семьи Кобаевых принадлежал к классическому патриархальному семейному укладу. Главой семейства был дед - Тихон Кобаев. В общем хозяйстве работали три его сына, их жены и дети.

Мордовский народ оценивался соседями и путешественниками как большой труженик. В. Н. Майков, исследователь быта мордвы конца XIX в., отмечал: «Мордва - народ чрезвычайно трудолюбивый. За мордвином-работником

гоняется не только всякий помещик, но и татарин, который известен своим трудолюбием...». У каждого члена семьи был определенный круг обязанностей: мужчины выполняли работы, требовавшие большой физической силы, сопряженные с риском и выполнявшиеся вдали от дома, — пашня, луг, лес, лошади; женщины, наряду с полевыми работами, работали по дому, следили за детьми, ухаживали за скотом, птицей и огородом.

По наблюдениям этнографов, семейный уклад мордовского народа отличался подчеркнутой благожелательностью друг к другу. Отсутствие семейной дискриминации распространялось в равной мере на всех ее членов. «Муж и жена у себя в домашнем быту являются совершенно равноправными радателями о своем семейном благосостоянии». Об авторитете женщин в мордовской семье говорит и тот факт, что именно слово матери - Ирины Петровны - оказалось решающим в судьбе будущего просветителя. Макар Евсевьевич вспоминал: «Мать моя сама была неграмотная, но грамоту любила. Она, между прочим, первая в селе согласилась на такое дело, которое до того времени у нас было неслыханным, а именно - несмотря на протесты и уговоры своих родных, согласилась отпустить своего 14-летнего сына учиться в далекий неизвестный город Казань, что, по мнению тогдашней мордвы, было делом гибельным».

Ребенок в мордовской семье достаточно рано имел конкретные социально значимые функции как трудового, педагогического, так и обрядово-культурного свойства. Макар Евсевьев, как и его сверстники, естественно усваивал национальный менталитет через игры, семейный труд, общинные и семейные праздники, обще-

ние со сверстниками и т.п. Патриархальный семейный традиционализм предполагал обучение младших детей и у старших.

По воспоминаниям младшего брата М. Е. Евсевьева, Осипа, Макар, как и другие дети, выполнял всю «ребячью» работу. «Ребьячья» работа, в которую ребенок вращался постепенно, была многообразной, она менялась в соответствии с дневным и годовым циклом. Поручавшиеся ребенку дела были посильными и естественными для него, и со стороны старших не требовали репрессивной стимуляции. Тесное переплетение детской жизни с ежедневной работой в хозяйстве, постоянный контакт с окружающим ландшафтом и животными создавали ситуацию его естественного вхождения в социум.

Огромное эмоциональное воздействие на детей оказывали традиционные празднества, особенно такие, как мордовская свадьба. М.Е. Евсевьев вспоминал, что достаточно рано активно стал участвовать в свадебных и религиозных торжествах. Дети получали в них ответственные роли, которые менялись и усложнялись от возраста к возрасту.

Семья Кобаевых была православной и религиозной, но, вместе с тем, в семейном пантеоне было множество языческих мордовских богов и богинь. Формирование религиозных представлений Евсевьева на первоначальном этапе семейного воспитания шло под влиянием синкретизма религий.

Семья чтит и отправляла земельские языческие обряды, участвовала в сельских молениях, традиционно мордовскими были и семейные обрядовые традиции. «...До 10-летнего возраста, - писал Евсевьев в отчете экспедиционному Братству святителя Гурия, - я и сам присутствовал при исполнении подобных, /т.е. языческих - авт./ обрядов в семье своих родителей».

Трудовые традиции мужчин семьи Макара Евсевьевич перенимал от отца и деда, национальная и семейная эстетика была, несомненно, персонифицирована им в образе матери. Ирина Петровна Кобаева, урожденная Захарова, происходила из мордовского села Атрадь, которое станет позднее постоянным местом экспедиционных интересов ученого.

Ирина Петровна родила четырнадцать детей, но в живых осталось только пятеро: Иосиф (Осип), Макар, Офилия (Ефимия), Прасковья, Федор. Хозяйка большой семьи, которую сын помнил всегда за работой, она сумела сохранить в себе и передать сыну тонкий поэтический дар, музыкальность, талант рассказчицы, помни-

шей множество мордовских легенд и сказок. Ирина Петровна умерла на пятидесятом году жизни в 1889 г. Один из своих самых ярких трудов в области мордовской этнографии и филологии, «Мордовскую свадьбу», М.Е. Евсевьев посвящает ее памяти.

М.Е. Евсевьев рано покинул семью, однако в течение всей жизни сохранял связь с ней. Н. А. Бобровников, педагог и наставник М.Е. Евсевьева, отмечал, что на протяжении учебы в семинарии и позднее, будучи преподавателем, Евсевьев «не прерывал своих связей с деревней и каждую вакацию уезжал в свою деревню и там работал наравне со своими родными не только по необходимости, но и по сердечной любви к сельской жизни: задолго до вакации Евсевьев начинает мечтать, как он будет косить траву, возить снопы и пр.». Односельчане вспоминали, что Макар Евсевьевич в М. Кармалах «бывал до 6-7 раз в году и жил по 3-6 дней». Добавим, что М.Е. Евсевьев в зрелые годы постоянно оказывал семье материальную помощь, содействовал учебе многочисленных племянников и племянниц, культурному развитию молодежи М. Кармалов.

В свою очередь, семья и сельское окружение оказывали посильную помощь ученому в научных начинаниях: базой этнографических и лингвистических экспедиций часто

становились Малые Кармалы, многие экспонаты коллекций предметов быта и одежды были приобретены в родном селе. Здесь бывали зарубежные ученые - знакомые Евсевьева. Основной крупнейшей работы ученого, которую считают энциклопедией мордовской жизни - «Мордовской свадьбы», послужили рассказы матери.

Совершенно очевидно, что опыт детства сформировал устойчивый интерес Евсевьева к этнографии, истории, языку, этнопедагогическим традициям мордовского народа, т.е. к тем вопросам, которым будет посвящена жизнь просветителя.

Начало систематического образования Макара относится к осени 1872 г. В этом году М. Кармалам предписывалось послать на учебу двух мальчиков, одним из которых по жребию стал сын Евсевия Кобаева - Макар.

Ближайшим к М. Кармалам начальным училищем было начальное народное училище в чувашском селе Шерауты в 7,5 километрах. Училище считалось чувашским, и было подотчетным чувашскому инспектору, которым в период обучения Евсевьева был чувашский просветитель И.Я. Яковлев (1848-1930 гг.), но здесь обучались мальчики разных национальностей. В Шераут-

Село Малые Кармалы Ибресинского района Чувашии – родина Макара Евсевьева. Фотография середины XX в.

Макар Евсевьев – семинарист. 1883 г.

стом, автором учебников по русскому языку. Сложность обучения в чужой языковой среде, на незнакомом, неупотребляемом в быту языке, усугублялась отдаленностью школы от дома: общежития для учеников из других сел в училище не было. Вопреки трудностям, М.Е. Евсевьеву удалось успешно закончить курс начального обучения. Летом 1876 г. он получает удостоверение за N 40 об окончании курса начального училища.

Образование Евсевьев продолжил в Казанской учительской инородческой семинарии (КУС). Это уникальное образовательное учреждение, кардинально повлиявшее на развитие образования и культуры народов Поволжья и Приуралья. Она возникла в соответствии с «Правилами к образованию инородцев», принятыми в 1870 г. КУС входила в систему миссионерского просвещения нерусских народов России, которая сложилась к концу шестидесятых годов XIX в. и сыграла чрезвычайно важную роль в становлении образования, просвещения

Учащиеся приготовительного класса семинарии. М. Евсевьев сидит второй слева. 1878 г.

ском училище языком обучения был русский, но при наличии затруднений использовался чувашский язык. По воспоминаниям младшего брата Макара Евсевьевича, Осипа, Евсевьев в детстве, кроме родного эрзянского языка, свободно владел чувашским, мог общаться по-татарски. Многоязычие родного села снимало проблему общения. В беседе с известной исследовательницей народов Поволжья С.В. Чичериной Евсевьев признавался, что в народном училище русский язык давался ему с трудом. В 1904 г. он говорил: «Для мордовских мальчиков поступление в школу, где преподавание идет на русском языке, составляет истинное мучение. Сам я там учился в течение четырех лет и окончил курс с самыми скудными знаниями русского языка». Это стоит запомнить, поскольку, будучи преподавателем семинарии, Евсевьев стал известным методи-

Казанская учительская инородческая семинария

инородцев России, послужила источником формирования национальной интеллигенции. В это учебное заведение и поступил в 1878 г. Макар Евсевьев.

В семинарию Евевьев поступает свободно и зачисляется в приготовительный класс па правах «казеннокоштного ученика». В отличие от своекоштных, плативших 130 рублей и год за обучение в учительской семинарии, казеннокоштные обучались бесплатно, получали казенный стол, общежитие и форму. П. Глухов, племянник и ученик педагога, рассказывал: «Воспитанники семинарии были одеты по установленной форме: из темно-серой материи пальто; на фуражке была кокарда с буквами КУС, эти же буквы были на металлической пряжке ремня. Обувались в сапоги, брюки носили навывпуск. Нам, учащимся, обмундирование нравилось. Оно нравилось и Макару Евсевьевичу: "Вас одевают лучше, – говорил он, – форма у вас из черного сукна, а нам, когда я учился, тужурку, брюки, пальто выдавали из коричневого сукна. Идешь, бывало по городу, а татары-подростки кричат: "Самовар идет, самовар идет!"».

М. Е. Евевьев поступает в приготовительный класс семинарии, входивший в общий срок обучения.

Семинария предоставила будущему просветителю возможность близко познакомиться с носителями разных культур поволжских этносов. Знакомство М. Е. Евсевьева с семинаристами – представителями разных национальных культур Поволжья не только позволяло ему легко адаптироваться в новых полиэтничных коллективах и облегчало в будущем изучение культур народов Поволжья. Важно также, что в сравнении языков и культур осуществлялась рефлексия национального мордовского самосознания на уровне самоактуализации национального «Я» Евсевьева.

Особое воздействие на молодые души оказывала личность директора семинарии Николая Ивановича Ильминского (1822–1891 гг.), человека высокой культуры, знатока европейских и восточных языков, общественного и религиозного деятеля. «Человек трех культур», блестяще образованный, с широкими научными интересами, он не может быть вписан лишь в рамки миссионерства или миссионерского просвещения как идеологии христианизации иноверцев. Ильминскому важны были личности тех, кто нес идею миссионерского просвещения, как способных поднять или - напротив - скомпрометировать ее в глазах инородцев. Закономерно, что Казанская семинария сформировала целую плеяду национальных деятелей народов Поволжья, воспитан-

ных под целенаправленным влиянием директора; среди них чуваш Н.В. Никольский, удмурт И. С. Михеев, татарин Р. Даулей, мари С. Г. Чавайн. Воспитанники Н.И. Ильминского знакомились с системой миссионерского просвещения, на базе которой была построена программа семинарии, и осуществлялись реформы инородческого образования. Знание современной школы и ее проблем было одним из требований к подготовке будущих учителей.

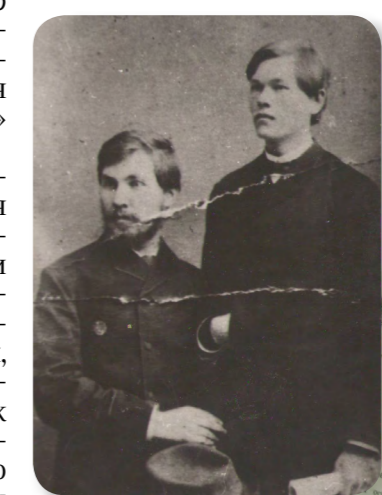
М. Е. Евсевьев за годы обучения в семинарии не только овладел основами педагогического образования, но и стал сподвижником Н. И. Ильминского в осуществлении предложенной им системы инородческого образования народов Поволжья.

Практическая претворение в жизнь идей Ильминского осуществлялась в нескольких направлениях: создания особого типа учебных заведений для подготовки учителей из среды

инородцев или в совершенстве владеющих их языком, прежде в его Казанской учительской семинарии; открытия начальных школ при этих заведениях, для педагогической практики этих учителей и апробации религиозной, учебной и вероучительной литературы на языках народов Поволжья, которая создавалась переводческой комиссией Православного миссионерского общества при Братстве святителя Гурия, образованной по проекту Н. И. Ильминского в 1876 г. КУС, четыре начальных образцовых двухклассных народных училища при ней (мордовское, чувашское, марийское, удмуртское) занимали центральное место в реализации концепции И. И. Ильминского.

Николай Ильминский

Н. И. Ильминский наблюдает за блестящими успехами семинариста Евсевьева в разных видах учебной деятельности, прививает ему вкус и развивает склонность к научной работе, отмечает его способности как переводчика.

Нетрадиционные формы учебной деятельности, в которые Евсевьев включается учителем, определялись, как мы бы сегодня сказали, личностно-деятельностным подходом Ильминского, ставшим его стержневым педагогическим принципом. Оценивая способности и склонности ученика, он включал его в тот вид внеурочной работы, который наиболее соответствовал складу мышления воспитанника, темпераменту, интересам: церковное хоровое пение и организация подобных хоров, этнографические и лингвистические изыскания, переводы.

Директор семинарии, Н.И. Ильминский целенаправленно подбирал коллектив единомышленников. М.Е. Евсевьев попадает под влияние прекрасных высокообразованных педагогов, сумевших внести существенный вклад в развитие теории и практики воспитания и образования, влияющих на педагогические представления общественности края.

Живым примером для подражания для М. Е. Евсевьева стал учитель мордовского образцового начального двухклассного училища при КУС Авксентий (Арсентий) Филиппович Юртов. Став учителем мордовской школы, Юртов продолжал общаться и с Ильминским, и с Евсевьевым, первые шаги которого на переводческом и педагогическом поприще он высоко оценил. А. Ф. Юртов стал первым мордвином, сознательно избравшим путь служения народу через его просвещение. Им были намечены те проблемы национального просветительства, которые предстояло решать М. Е. Евсевьеву - его ученику и преемнику. Пример учителя-мордвина, близкого по национальному происхождению и воспитанию, открывал для Евсевьева путь к служению народу, делал реальными мечты о научном предназначении.

В Казанской учительской инородческой семинарии М.Е. Евсевьев получает общее и профессиональное педагогическое образование. Для нас не менее важно то, что за годы учения в семинарии были заложены основы его мировоззрения: мировоззрения национального педагога, ученого, общественного деятеля - просветителя.

С завершением учебы в Казанской учительской инородческой семинарии начинается наиболее важный и плодотворный период жизни и научно-педаго-

гической деятельности М.Е. Евсевьева.

Евсевьев успешно, «первым учеником», закончил семинарию в 1883 г. К этому времени он уже обладал сложившейся репутацией талантливого эрзянского переводчика и исследователя, а педагогическая практика в начальных училищах при Казанской семинарии, по мнению педагогов, хорошо подготовили его к самостоятельной учительской деятельности.

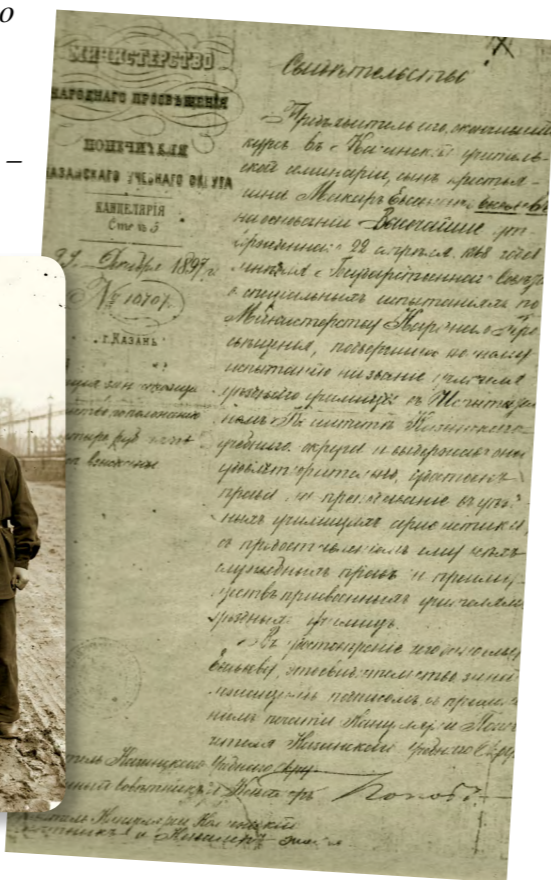
В 1883 г. Н.И. Ильминский ходатайствует перед Казанским учебным округом о назначении своего воспитанника учителем черемисского (марийского) образцового начального училища при семинарии. Этому способствовала и квалификация учителя начальных сельских школ и знание М. Е. Евсевьевым марийского языка, необходимое при первоначальном обучении по системе Ильминского.

Однако в марийском училище он работает только год. После неожиданного ухода А. Ф. Юртова, ставшего учителем мордовской школы, Евсевьев становится преподавателем мордовского образцового двухклассного начального училища при семинарии, где работает до 1894 г. За десять лет работы у молодого педагога сложилась собственная концепция методики преподавания в мордовской начальной школе, получившая свое выражение в комплексе учебной литературы на эрзянском и мокшанском языках.

Осознавая необходимость получения высшего образования, в 1892 г. молодой учитель подает прошение на имя ректора Императорского Казанского университета с просьбой о зачислении вольнослушателем на историко-филологический факультет Императорского Казанского

Свидетельство об окончании М. Евсевьевым семинарии

Семинаристы - ученики М. Е. Евсевьева

Императорский Казанский университет

университета. Автономия университета, полученная по уставу 1863 г., позволяла облегчить поступление представителей нерусских народов края.

В период обсуждения проекта устава российских университетов 1863 г. Ильминский выступил за расширение рамок приема в университеты инородцев. Так, 3 марта 1862 года на совете историко-филологического факультета он заявил: «...Из инородцев есть личности, весьма даровитые и симпатичные и любознательные, но по обстоятельствам они не могут получить общего гимназического воспитания; таких следует не только допускать, но и пускать». Он, несомненно, имел в виду своих учеников.

Историко-филологический факультет соответствовал педагогическим и научным интересам молодого преподавателя. Статус вольнослушателя позволял ему претендовать на звание учителя уездных училищ, которое он получил

после сдачи экзаменов в 1897 г. В то же время незаконченное высшее образование Евсевьева позволило администрации семинарии в 1894 году перевести его на должность учителя приготовительного класса семинарии.

Приготовительный класс являлся важнейшим звеном обучения в семинарии. Он давал прочные знания русского языка и помогал нерусским деревенским мальчикам адаптироваться в новых языковых и социальных условиях. Численный состав приготовительного класса колебался около цифры в 40 человек. Национальный состав, как и в основных классах семинарии, был пестрым. Около 1/3 составляли русские ученики, они определяли языковую и культурную среду. Учились в приготовительном классе семинарии и татары, чуваша, черемисы (мари), вотяки (удмурты), мордва, зыряне (коми). М.Е. Евсевьев преподавал с 1894 по 1919 гг. основные предметы курса приготовительного класса: русский и славянский языки, арифметику, географию, естествознание. В 1916 г. М.Е. Евсевьев избирается председателем предметной комиссии по русскому языку Казанской семинарии. В этом качестве он руководил разработкой новых программ по предмету, содействовал изменению планов преподавания в сторону увеличения часов русского языка и, в первую очередь, в приготовительном классе. В 1897 г. педагог сдал экзамены на звание учителя арифметики уездного училища. Свидетельство лишь формально подтверждало компетентность преподавателя в этом предмете. Источниками его методической культуры были прекрасное базовое образование, постоянное самообразование, новаторская практика, изучение современного передового

Преподаватели Казанской учительской семинарии. Стоит крайний справа М. Е. Евсевьев

педагогического опыта.

С 1906 по 1912 г. М.Е. Евсевьев возглавлял работу ремесленных мастерских семинарии. М.Е. Евсевьев понимал важность трудового обучения для формирования личности вообще и сельского учителя в частности. Достигнуть просвещения и благосостояния народа можно было, по мнению М.Е. Евсевьева, путем образования широких слоев населения, обучения ремеслам и основам культуры сельского хозяйства через посредство сельского учителя. В мастерских обучалось в разные годы от 126 до 163 воспитанников, отчете о состоянии классов ручного труда при семинарии за 1908/09 уч. г. М. Е. Евсевьев отмечал, что там преподавались переплетное, столярно слесарное, отчасти токарное и кузнечное дело.

М. Е. Евсевьев осуществлял педагогическое и хозяйственное руководство мастерскими, помня не только об их профессиональной направленности, но о воспитательном потенциале труда. Занятия в ремесленных мастерских укрепляли связи семинаристов с деревней, воспитывая их как сельских учителей, способных переустроить быт через образование детей просвещение (в том числе и ремесленное) взрослых.

Опыт мастерских Казанской учительской семинарии в трудовом воспитании и подготовке сельских учителей к ведению уроков ручного труда М. Е. Евсевьев использовал применительно к программам учебных заведений для мордовских учителей.

С 1894 г. М.Е. Евсевьев руководил педагогической практике семинаристов в мордовской начальной школе при КУС. Он шлифовал свою методику начального обучения в мордовской школе и, одновременно, передавал ее воспитанникам – будущим национальным учителям, как опосредованно, так и целенаправленно – в ходе руководства педагогической практикой мордовских семинаристов образцом двухклассном начальном училище при семинарии. Он

составлял план разбора предстоящих уроков, оказывал методическую помощь в подготовке пробных уроков, анализировал сами уроки и письменные разборы уроков товарищей.

Преподавательская деятельность в подготовительном классе семинарии, в основных классах этого учебного заведения позволила Евсевьеву воспитать целую плеяду национальных педагогов Поволжья. Деятельность Евсевьева, его стремления опережали практику инородческого школы России. Его преподавание задолго до решений инородческого съезда 1909 г. реализовало принципы, выдвинутые резолюцией этого съезда: стремилось создать такую «инородческую национальную школу, то есть такую народную школу, в которой каждая национальность могла бы воспитывать свою молодежь на родном языке, и сообразно индивидуальным, бытовым, психологическим и историческим особенностям своей культуры и, исходя от нее, приобщаясь к русской культуре, а через нее и к мировой и общечеловеческой культуре». Евсевьев достигал этого использованием опыта национальной педагогики, приобщением учеников к национальным традициям, культуре, формированием самосознания в будущих народных учителях.

Огромной заслугой Евсевьева является воспитание в КУС плеяды мордовской национальной интеллигенции, которая еще до революции встала на путь просветительства и учительства, а в послереволюционные годы возглавила различные участки национально-культурного строительства: просвещения, печати, народного образования. Среди воспитанников Евсевьева были Е.В. Скобелев, П. С. Глухов, З. Ф. Дорофеев, И. Ф. Прокаев, Л. П. Кирюков и многие другие.

В период работы в учительской семинарии М. Е. Евсевьев активно занимается общественной деятельностью, создает первую национальную мордовскую общественную организацию – Мордовское культурно-просветительное обще-

ство. Воспитанники М.Е. Евсевьева стали его ядром.

КУС долгие годы была методическим центром для нерусских школ Поволжья. Закономерно, что М.Е. Евсевьев тесно общался с национальными деятелями культуры и просвещения народов края. Общность профессиональных интересов, задач просветителей, личные контакты делали их связи значительными как с точки зрения научно-практических, деловых интересов, так и с точки зрения товарищеских отношений. Региональная общность и определенная схожесть исторических судеб народов Поволжья определила сходство взглядов их просветителей. Единомышленниками Евсевьева в вопросах соотношения национального и русского государственного в просветительстве, во взглядах на положение национальных школ и национального языка, на конфессиональные проблемы были И.Я. Яковлев, И.С. Михеев, К. Насыри. Близкие личные отношения связывали Евсевьева с Н. В. Никольским, который, по сути, стал первым биографом мордовского просветителя, собирая свидетельства родственников и друзей о Евсевьеве, его документы и письма». М. Е. Евсевьев, по словам венгерского ученого П. Домокаша, стал воспитателем марийского поэта-просветителя С.Г. Григорьева-Чавайна. Общение взаимообогащало национальных просветителей, способствовало упрочению их позиций.

Многолетняя творческая педагогическая деятельность М.Е. Евсевьева были отмечена официальными и весомыми наградами. Формулярный список о службе М.Е. Евсевьева за октябрь 1915 г. свидетельствует, что к пятидесяти годам ученый имел ордена святого Станислава III степени, святой Анны III степени, серебряную медаль в память императора Александра III. Пройдя все ступени Табели о рангах имел чин коллежского советника, что соответствовало VI классу и давало право личного дворянства.

Все эти годы М.Е. Евсевьев вел обширную научно-исследовательскую работу. Он активно сотрудничал с научными обществами и учреждениями России, совершал регулярные экспедиционные поездки.

Последние пятнадцать лет жизни Макара Евсевьевича Евсевьева оказались наиболее сложными в его судьбе. Впрочем, и в судьбе всей России. М. Е. Евсевьев, как и многие российские интеллигенты, с надеждой встретил революционные события 1917 г. Политическая ситуация после Февральской революции вселяла надежду на развитие национального просвещения и самоуправления.

Либерализация социальной жизни в России, зарождение и активизация национальных общественных движений позволили в мае 1917 г. в Казани провести Съезд мелких народностей

Поволжья. Делегатами этого Съезда стали представители национальной интеллигенции края: учителя, священнослужители, юристы, врачи из мари, мордвы, чуваш, удмуртов. «Съезд народностей Поволжья послужил поводом для более или менее организованного собрания мордовской интеллигенции в дооктябрьской России», - вспоминал делегат этого форума, в прошлом ученик М.Е. Евсевьева, Е.В. Скобелев.

Именно Евсевьеву, пользовавшемуся безоговорочным авторитетом среди различных слоев мордовской общины, удалось привлечь для участия в работе Съезда наиболее известных и образованных представителей национальной интеллигенции. Работа съезда строилась по национальным секциям. На заседании Мордовской секции Евсевьев выступил с инициативой о создании Мордовского культурно-просветительного общества - первого национального объединения мордовской интеллигенции. Главными целями его стало «объединение интеллигентных и народных сил мордвы для подготовки народа к жизни при новом государственном строе и поднятия культурного состояния мордвы».

Задача М. Е. Евсевьева как организатора общества облегчалась тем, что учредителями новой организации стали его единомышленники: коллеги по преподаванию в КУС, представители православного миссионерства, бывшие ученики, другие делегаты съезда с близкими просветителю взглядами на культурные потребности мордовского народа. Среди создателей общества были Ф.Ф. Советкин, П.С. Глухов, Е.Б. Буртаев, В.Н. Калюжнов, М.М. Кузьмин, кандидат богословия

дьякон Ф.К. Садков, протоирей Ф.П. Стрелков. На этом учредительном заседании М.Е. Евсевьев единогласно избирается председателем общества.

Первое заседание Мордовского культурно-просветительного общества состоялось 21 мая 1917 г. На нем было принято решение о делегировании в Министерство народного просвещения М.Е. Евсевьева и Ф.Ф. Советкина как представителей Общества для освещения нужд мордовского населения в образовании и ходатайства об открытии учительских семинарий для мордвы. На собрании было постановлено напечатать воззвание мордовского культурно-просветительного общества «на русском языке и на эрзянском и мокшанском наречиях мордовского языка» «для привлечения возможно большего количества лиц интеллигентных и простого народа».

Воззвание к мордовскому народу было подготовлено М.Е. Евсевьевым в соавторстве с Ф.Ф. Советкиным. Этот документ, являясь программным для Мордовского культурно-просветительного общества, отразил взгляды Евсевьева на проблемы и пути просвещения и образования народа.

Общество приступило к работе по изданию книг и учебников на мордовских языках. Его представители делегировались в губернские Комитеты по народному образованию, возникавшие уже после октября 1917 г., для представления интересов мордовского населения. Совместно с этими отделами, создавались губернские мордовские организации, высылалась литера-

тура на мордовских языках. К М.Е. Евсевьеву как председателю общества обращались при административных неувязках, таких, например, как отказ в национальном представительстве в губернском Совете по народному образованию г. Уфы и т.п.

По сведениям одного из организаторов Первого Съезда мелких народностей Поволжья Н.В. Никольского, Мордовское культурно-просветительное общество насчитывало более 300 активных членов. Общество пользовалось популярностью, которая поддерживалась авторитетом и известностью председателя среди территориально распяленного мордовского населения. Численность общества постоянно росла. Уже в октябре 1918 г. бывший ученик Евсевьева, учитель Паракинской школы Ардатовского уезда Симбирской губернии Я. Катаев писал М.Е. Евсевьеву: «В селе, в котором я учительствую, и вообще в этом краю, находятся лица, сочувствующие делу просвещения и желающие записаться в члены мордовского культурно-просветительного общества». Катаев называет среди «сочувствующих» как интеллигентов, желающих, «чтобы была своя (на мордовском языке) история, этнография, география, художественная литература и газета на родном языке», так и крестьян.

Как свидетельствуют архивные документы, Общество активно функционировало до конца 1918 - начала 1919 г. - его члены много работали на местах, собирая данные о мордве, уровне и проблемах ее образования и культур-

ного возрождения и выполняя до определенного времени функции государственных органов. Гражданская война, а затем голод в Поволжье затормозили его деятельность. К 1919 г. завершилось формирование национальных отделов и секций Наркомпроса и Наркомнаца к которым перешли основные функции Мордовского культурно-просветительного общества.

Причиной приостановки деятельности Общества стал неожиданный арест и почти трехмесячное тюремное заключение М.Е. Евсевьева. Оборвались связи между организаторами и членами общества, которые осуществлялись через него. Кроме того сам арест руководителя привел к отходу его сподвижников от активной деятельности и способствовал самороспуску.

Арест и пребывание в тюрьме стали самыми страшными страницами в биографии уже не молодого М.Е. Евсевьева. Арест произошел в 1918 г. и стал следствием известных «казанских чисток», проводившихся ЧК после бело-чешского мятежа, когда задерживались все лица, хотя бы косвенно связанные с его участниками. М.Е. Евсевьев старался не вспоминать этот тяжелый эпизод. Он рассказывал, по воспоминаниям П.П. Глухова и, навещавшего его в тюрьме односельчанина М.Я. Михеева, только о том, как учил читать безграмотных сокамерников.

Евсевьев был освобожден по настойчивым просьбам известных советских деятелей тех лет. С просьбой в ВЧК об освобождении М.Е. Евсевьева обращались руководители Наркомпроса А.В. Луначарский, М.Н. Покровский и Н.К. Крупская, секретарь мордовской секции ЦК ВКП(б) и заведующий мордовским подотделом Наркомнаца Д.В. Желтов, заведующий Мордовским бюро Наркомпроса Г.К. Ульянов. М.Н. Покровский характеризовал М.Е. Евсевьева в своем ходатайстве как «незаменимого работника, специалиста по этнографии мордвы».

Вместе с тем, 1920 - 1931 гг. - период разнообразной и плодотворной научно-теоретической, организационно-педагогической и общественной деятельности М.Е. Евсевьева. Это было время взлета, время надежд и реализации многих замыслов, которые вынашивались с юношеских лет. Он видел новые подходы советской власти к национально-культурному строительству. Возникли первые национальные автономии, созданы Наркомнац и национальные отделы Наркомпроса, началось издание литературы и учебников на национальных языках. Это вселяло надежду, что будут решены многие проблемы мордовской национальной культуры и образования.

Евсевьев сразу был приглашен к сотрудничеству с этими органами. Была признана важность его опыта организации в области образования мордвы.

После закрытия КУС перед М.Е. Евсевьевым встал непростой вопрос трудоустройства и добывания средств к существованию. Работа в пришедших на смену КУС учебных заведений

- Восточной академии, педагогическом техникуме и др. не могла удовлетворить Евсевьева ни морально, ни материально. Там читались небольшие курсы мордовских языков. И Евсевьев становится музейным работником. Должность заведующего этнографическим отделом, а затем научного сотрудника Центрального музея Татарии, которую он занимал с конца 1919 по 1929 г., позволяла заниматься любимым делом - разысканием, сбором, описанием и сохранением образцов материальной культуры мордвы и других народов Поволжья, пропагандой ее ценности. Одновременно, музейные стены защищали от необходимости активного участия в политической жизни.

Евсевьев отдался работе с удовольствием и жаром. Он создал заново и на научных принципах сформировал экспозиции своего отдела, неустанно пропагандировал национальную мордовскую культуру на регулярных выставках Центрального музея Казани, выставках музея Гельсинфорса (Финляндия), Казанской Восточной академии, через выставочную работу в Казанском университете, на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, слетах и совещаниях национальных деятелей Поволжья.

Важной стороной деятельности Евсевьева в этот период стала работа по созданию мордовской национальной школы и воспитанию национальных педагогических кадров.

Возникшие в 1920-е гг. новые подходы к проблемам национального образования нерусских народов России позволили Евсевьеву принять активное участие в создании массовой мордовской национальной школы. Как инструктор Наркомнаца Евсевьев объездил и изучил состояние школьного дела в мордовских селениях Поволжья, уровень грамотности взрослого населения.

Возможность создания мордовской школы потребовала решения, в первую очередь, вопросов не только подготовки национального учительства, но и ориентации их на культурно-просветительную работу среди населения. Он считал, что учитель, должен быть готов вести все предметы школьного цикла на мордовском эрзя или - мокша языке, знать нужды и чаяния населения, помогать его культурному росту.

Первым шагом стало проведение в 1919 г. в селе Челпаново Ардатовского уезда Симбирской губернии, Всероссийского совещания работников просвещения мордвы, принявшего ряд важных решений, в том числе и решение об издании первого советского букваря «Гундонь чи». Группу по его написанию возглавил Евсевьев. В нее вошли Е. В. Скобелев и Е. К. Ульянова.

Евсевьев был в числе инициаторов проведения Всероссийских съездов мордовских учителей. Признанием заслуг ученого-просветителя перед мордовской национальной школой и национальным учительством стала встреча его делегатами Всероссийского съезда мордовских учителей в 1924 г., на котором он был избран

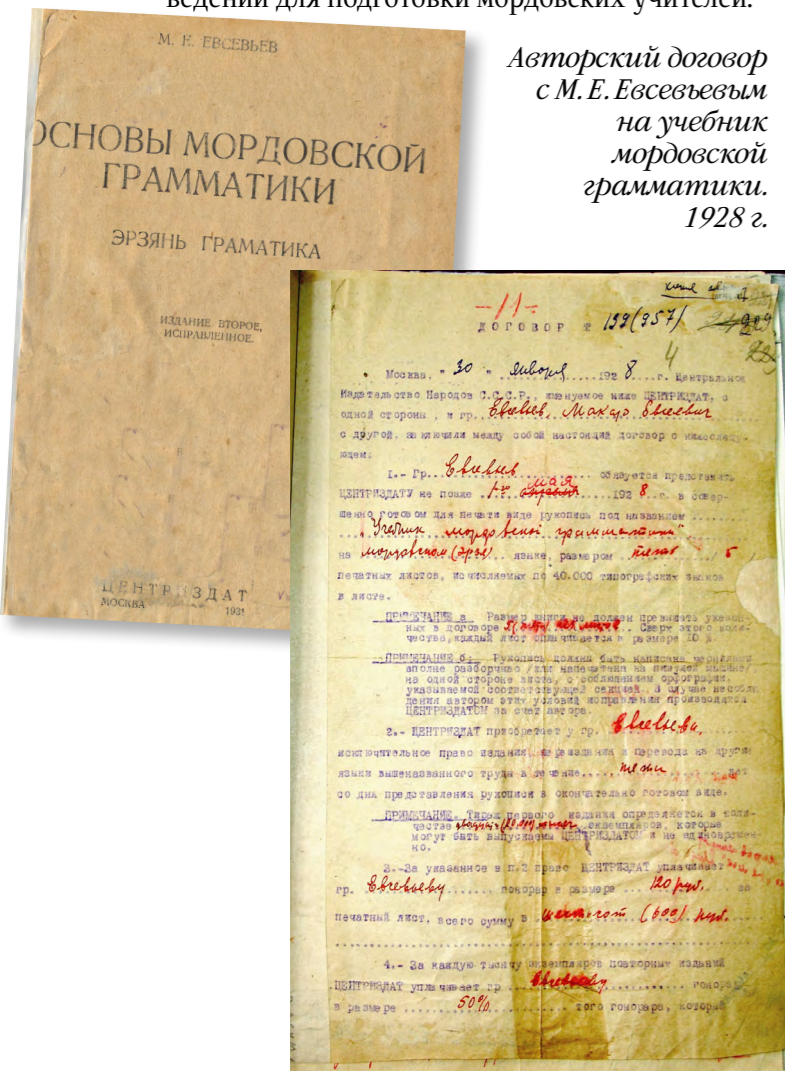
почетным председателем. Е. В. Скобелев вспоминал, что, пока он шел по громадному залу к столу президиума, зал стоя приветствовал его аплодисментами.

М. Е. Евсевьев принял активное участие во Всероссийской мордовской языковой и методической конференции 1928 г., которая, наряду с теоретическими вопросами мордовского языкознания, решала и прикладные проблемы обучения родному языку в мордовской школе.

Постепенное расширение национальной школы создало необходимость целостной системы краткосрочных курсов по обучению и переподготовке мордовских учителей. На основе разработанных Евсевьевым программ курсовой подготовки в 1925 – 1930 гг. возникают краткосрочные учительские курсы в разных городах Поволжья – в Казани, Самаре, Симбирске, Нижнем Новгороде, Саратове и Саранске, Ульяновске. На многих он сам читает основные дисциплины.

Особое место среди них занимают Всероссийские курсы по подготовке и переподготовке мордовских учителей, созданные в Москве и работавшие в 1925 – 1928 гг. Однако помимо курсов необходимо было создавать сеть стационарных средних педагогических учебных заведений для подготовки мордовских учителей.

Авторский договор с М. Е. Евсевьевым на учебник мордовской грамматики. 1928 г.

Еще в 1918 г. в селе Мачкасы Петровского уезда Саратовской губернии по инициативе Петровского отделения Мордовского культурно-просветительного общества и поддержке М. Е. Евсевьева была открыта учительская семинария (с 1922 г. Петровский педагогический техникум). Первыми руководителями и учителями семинарии были ученики М. Е. Евсевьева М. И. Кручинин и И. Ф. Прокаев. В нем обучалась мордовская молодежь Саратовщины.

“Организаторы семинарии, – пишет Н. Цветкова, – не располагали никакими учебными программами. Все создавалось заново. Большую помощь им оказал М.Е. Евсевьев. Были разработаны программы по предметам, учебный план и расписание уроков”. Евсевьев использовал свой опыт руководства ремесленными мастерскими семинарии: в мачкаской учительской семинарии были организованы переплетная и столярная мастерские.

В начале 1920 г. по поручению Наркомпроса РСФСР М. Е. Евсевьев организует в Казани трехгодичные мордовские учительские курсы и становится их первым директором. Осенью того же года курсы получают статус Центральных мордовских педагогических трехгодичных курсов и были переведены из Казани в с. Малый Толкай Бугурусланского уезда Самарской губернии. Руководство курсами М. Е. Евсевьев передает Е. В. Скобелеву, который вспоминал: “М. Е. Евсевьев всегда любовно и отечески относился к нам, своим ученикам. В этот раз, в период перевода курсов и дальнейшей их организации на новом месте, я особенно нуждался в советах и помощи Макара Евсевьевича. Он ни в чем не отказывал. С большой заботливостью и тщательно продумывал каждую мелочь в отношении устройства курсов в М. Толкае”.

Все средние педагогические учебные заведения не только создавались при прямом участии Евсевьева, но и находились под его человеческим и педагогическим влиянием. Он заботился обо всем – о подборе руководителей и педагогов, обеспечении программами и учебниками, мелом и тетрадями.

Главным делом последних лет жизни Евсевьев считал завершение изысканий, обобщение накопленных за долгие годы материалов и издание трудов по языку, истории, этнографии мордовского народа. Некоторые биографы называют это время самым продуктивным в творческой жизни Макара Евсевьевича”. Это справедливо если считать по крупным работам, изданным в эти годы. Но нельзя не иметь в виду, что в их основе лежит грандиозная экспедиционная и аналитическая работа всех лет жизни. Первые издания образцов мордовской словесности и “Мордовская свадьба” увидели свет еще в конце XIX века.

В то же время это были годы востребованности его работ, связанной этапом становления национальной науки, культуры и просвещения. С 1925 по 1931 г. Центральное издательство

народов СССР заключило с Евсевьевым четырнадцать договоров на издание таких работ, как «Мордовско-русский словарь» (два издания – 1925 г. и 1930 г.), «Мордовская грамматика» (1928 г.), «Научная мордовская грамматика» (1930 г.) и «Краткая мордовская грамматика» (1929 г.) на эрзянском языке, на переиздание вариантов «Мордовской свадьбы» и образцов мордовской словесности (1929-1930 гг.), на выпуск исторических работ («Мордва Татареспублики» и «Терюшевское восстание» (1929 г.)).

Евсевьев не оставлял и педагогической деятельности в вузах. С 1921 по 1925 г. он преподавал мордовский язык в Казанской Восточной академии (Восточном педагогическом институте), а затем мордовский язык и литературу в Казанском Коммунистическом университете.

Ученый не забывал и экспедиционную работу, по-прежнему совмещая ее с инспекционными и методическими поездками по селам. Общение с ученым и просветителем не оставяло никого равнодушным. Еще до революции М. Е. Евсевьев воспринимался среди населения как некий национальный персонифицированный символ – “мордовский бог”. К Евсевьеву обращались за советом в сложной юридической или бытовой ситуации, его небольшая квартира в Казани была открыта и маститым финским, венгерским и петербургско-петроградским ученым и односельчанам, и крестьянам из поволжских деревень с которыми его свела экспедиционная судьба. И при всей своей доступности М. Е. Евсевьев сохранял непререкаемый авторитет. Об этом говорят воспоминания многих его современников. И известных как Д.В. Желтов, А.П. Лавровская, Е.В. Скобелев, Ф.Ф. Советкин, и рядовых учителей, и мордовских крестьян, таких как семьи Бояровых, Михеевых и Кирюковых...

Несмотря на признание жизнь Макара Евсевьевича в последнее десятилетие была далеко не безоблачной. С одной стороны, были признание и необходимая поддержка. Его значение для развития мордовской культуры прекрасно осознавалось новыми властями. “Он единственный на весь СССР”, – писал о Евсевьеве Д.В. Желтов. В последний год жизни Евсевьева было подготовлено ходатайство перед ВЦИК о присвоении ему звания Героя Труда. К авторитету Евсевьева апеллировали в научных трудах, при подготовке резолюций учительских съездов и совещаний, регулярными были посвященные ему публикации в национальной печати и научных периодических изданиях.

С другой стороны, сказывался возраст, побуждавший отойти от активной публичной общественной жизни. Он стремился быть в стороне от политической борьбы и противостояния в национальном вопросе. Тяжело переживал беззащитное невежество некоторых молодых организаторов национального культурного строительства, их политизированность и экстремизм. Были и личные разногласия с некоторыми из них и ревность к авторитету патриарха со стороны новых национальных деятелей. Еще при жизни глухо и безлично стали звучать критические нотки об устарелости его идей и подходов к вопросам национальной культуры и просвещения.

В начале тридцатых годов, по предложению и поддержке руководства Мордовской автономной области и его постоянного представителя в Москве П. В. Шапошникова был практически решен вопрос о переезде М. Е. Евсевьева в столицу для академической работы. Дело в том, что все основные труды ученого готовились и были изданы в центральных издательствах. Часто выезжать для их согласования с редакторами и корректорами, для изучения новых исследований и встреч с учеными уже не было ни сил, ни возможностей.

В последние перед отъездом месяцы он жаловался на недомогание, но неожиданная кончина в ночь на 10 мая 1931 г. застала близких врасплох. На столе осталось письмо, написанное М. Е. Евсевьевым по-эрзянски 9 мая П. В. Шапошникову, в нем говорилось о “написанных материалах”, отправленных в Москву и о рукописи “Терюханского бунта”, приготовленной к печати. Корзины с рукописями были отправлены в новую московскую квартиру, которая ждала семью Евсевьевых 12 мая.

Независимо от конъюнктурных политических оценок научное и педагогическое наследие М. Е. Евсевьева к тридцатым годам уже прочно вошло в золотой фонд мордовской культуры и стало ее фундаментом. Оно соответствовало формуле М.И. Цветаевой – «современность: всевременность, а не временность». Наследие великого мордовского подвижника просвещения обогащалось и развивалось в трудах и делах его учеников – учителей, журналистов, писателей. Оно осталось в его книгах и памяти людей. Педагогические традиции национального образования, заложенные Евсевьевым, продолжает коллектив Мордовского педагогического института, носящего имя Макара Евсевьевича Евсевьева.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В жизни М.Е. Евсевьева создание школ для мордовских детей занимало важнейшее место. Начало работы в этом направлении можно отнести к 80-м годам XIX в. Ее он, как ученик Ильминского видел такой, какой она задумывалась «просветителем инородцев», то есть как школа для первоначального обучения мордвы с преподаванием на русском и с использованием родного языка. Такой она была при Казанской учительской семинарии. Хотя молодой педагог, как показывает, его практика, выходил далеко за рамки системы Ильминского, создавая и широко используя национальный компонент воспитания и образования.

Возможность создания национальной школы по задачам и номенклатуре изучаемых предметов возникла и осуществлялась им в организационно-педагогической деятельности только

после февраля 1917 г. Для Поволжья были типичными русско-мордовские, русско-чувашско-мордовские, чувашско-татарские школы и т.п. Характерным примером может служить Шераутское училище Буинского уезда, которое в свое время закончил М.Е. Евсевьев.

Знакомство с реальным образовательным уровнем мордовского населения заставляло школьную администрацию и общественных деятелей учебных округов расширить работу по созданию мордовских начальных школ и организации народного образования в уездах с мордовским населением. Этому содействовали такие педагоги как И.Н. Ульянов, В.Н. Хохряков, И.В. Ишерский, А.А. Красев, П.П. Масловский, А.Э. Стрижижовский, И.М. Петяев, В.М. Стржалковский, и наконец, сам М.Е. Евсевьев.

Работу М. Е. Евсевьева по созданию начальной мордовской школы можно представить в следующих направлениях: изучение состояния образованности мордвы и школьного обучения в мордовских школах; содействие открытию мордовских начальных школ; разработка методических основ образования мордовской начальной школы, создание для нее комплекса учебной литературы; выявление национального компонента образования и воспитания, изучение и использование достижений народной педагогики мордвы в начальном образовании.

М. Е. Евсевьев обращается к практическим проблемам развития мордовской школы уже в начале самостоятельной педагогической практики и научно-экспедиционной деятельности. В первую очередь он стремится изучить реальное состояние образованности мордвы и школьного обучения в мордовских селах.

Отсутствие объективных данных приводило к убежденности Министерства народного просвещения (МНП) в вовлеченности в обучение мордовских детей. М. Е. Евсевьев реально относился к данным официальной статистики: высокий процент вовлеченности, на общем уровне грамотности населения Российской Империи, не означал реальной грамотности мордовского населения. Педагог в своем анализе школьного образования среди мордвы исходил из сведений, которые получал постоянно из корреспонденций учителей и приходских священников, от семинаристов, выезжающих на вакации, из собственных наблюдений, собранных в многочисленных экспедициях. Данные Евсевьев классифицировал, исходя из определенной внутренней схемы: описание школ, их материальной базы; обеспеченность учебниками на русском и мордовском языках; сведения об учителе, его образовании, педагогическом стаже, заработной плате; количество учеников, их национальная принадлежность, присутствие девочек в классе.

Особое внимание педагог обращает на уровень знания мордовским населением того или иного уезда русского языка. При практическом отсутствии школ, где мордовский язык был бы языком обучения, образовательный уровень

населения находился в прямой зависимости от владения русским языком.

В пореформенной России русский язык становился не только языком школы. Вхождение мордовского населения в новые капиталистические формы производства диктовало утилитарные потребности изучения русской речи. Она становилась фактором административной и экономической жизни мордвы. Евсевьев отмечает практически повсеместное знание мужским населением, как наиболее экономически активной категорией, русского языка.

В связи с поездкой М.Е. Евсевьева в Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую губернии для работы над учебной литературой на мордовских языках, попечитель Харьковского учебного округа писал в 1891 году: «Учебное дело в большинстве этих школ находится в состоянии неудовлетворительном... Причиной этой неудовлетворительности заключается, с одной стороны в том, что поступающие в школы дети мордвы совсем не знают русского языка, на котором ведется преподавание и составлены употребляемые в этих школах учебники, с другой - что значительная часть учителей этих школ или совершенно не знает мордовского языка... или знает его плохо».

М.Е. Евсевьев, как последовательный сторонник Ушинского и Ильминского, был уверен в необходимости для учителя знать родной язык обучаемых. В данном случае это естественно стимулировалось окружающей языковой средой.

Этнологические задачи экспедиций исследователя обусловливали продолжительное и систематическое общение с мордовскими женщинами, как наиболее консервативными носителями традиционной культуры. Это общение утвердило просветителя на позициях, свойственных многим педагогам-демократам того времени: «грамотная девочка - грамотная мать; грамотная мать - грамотная семья; грамотная семья - грамотный народ». В вовлечении девочек в школу М.Е. Евсевьев видел залог национального просвещения. В беседах с С.В. Чичериной он настойчиво говорил о необходимости открывать школы на родном языке для мордвы, и особенно среди девочек.

Благодаря М.Е. Евсевьеву в 1907 г. в с. Каменка Белебеевского уезда Уфимской губернии было создано двухклассное училище МНП. Училище было открыто в здании, построенном для семинарии, преподавали в нем ученики М.Е. Евсевьева по КВС, предполагавшие работать в учительской семинарии.

Большую работу по созданию мордовской школы проводил М. Е. Евсевьева в рамках Мордовского культурно-просветительного общества. Являясь председателем единственной в тот момент национальной мордовской организации, он продолжал собирать и обрабатывать сведения о состоянии школьного образования мордовского населения России. Материалы, изученные, нами складывались из справок губернских

Личное дело учителя М. Е. Евсевьева

отделов народного образования, представляемых на официальные запросы Общества, корреспонденций с мест, наконец, из личных наблюдений ученого.

Опираясь на документальные сведения, Евсевьев как председатель общества ходатайствовал перед Наркомпросом об открытии ряда национальных школ. Так 19 июля 1918 г., он от Совета мордовского культурно-просветительного общества ходатайствует перед комиссариатом «об открытии высших начальных училищ в селах Живайкине и Сабаеве Корсунского уезда и отпуске на содержание их необходимых средств». Просьба аргументируется докладной запиской заведующего народным образованием Корсунского уезда, поступившей в Мордовское культурно-просветительное общество.

В ряду подобных документов особое место занимает просьба об открытии Высшего начального училища в селе М. Кармалы Буинского уезда Симбирской губернии (родное село М.Е. Евсевьева). Особенность документа в том, что инициатива исходила не от организаторов народного образования или учителей губернии, а от сельского схода. «В окрестностях нашего села расположены селения чувашской нации, для которых имеются в уезде Высшие Начальные училища Чувашские, а для мордовской нации таковых не имеется. Как предвидится в ближайшем будущем открываться школы отдельно для каждой нации и обучаться будут отдельно в таковых дети отдельной нации, так и совет нашего общества постановил ходатайствовать перед Симбирским Губернским комиссариатом народного просвещения об открытии в нашем селе М. Кармалах Мордовского Высшего начального училища с осени 1919 года».

В “приговоре” крестьяне обещали на собственные средства из местного сырья построить здание школы и просили лишь о предоставлении учителя. Мордовское культурно-просветительное общество “убедительно” просило открыть училище и выделить средства на его финансирование.

После революции М.Е. Евсевьев отходит от конкретных проблем начальной школы, сосредоточив свои усилия на научной работе и подготовке мордовского учительства. Но его продолжает заботить культурно-образовательный уровень мордовского населения. С сентября по декабрь 1921 г. как инструктор мордовского подотдела Наркомнаца он совершает поездку по мордовским селам Чувашской области, Нижегородской губернии и Татарской республики. Задачей командировки было выяснение степени обруселости мордвы и ее культурного состояния.

Педагог стимулирует круги Наркомпроса к активной культурно-просветительной деятельности среди мордовского населения, замечая, что “вследствие своей малокультурности и отсутствия литературы на родном языке о строительстве новой жизни здешняя мордва почти никакого представления не имеет”.

В 1920-е годы М.Е. Евсевьев передает заботу о расширении и развитии мордовской школы своим ученикам. Его эстафету приняли Е.В. Скобелев, З.В. Варламов, М.И. Наумкин, С.Д. Бояров и другие его питомцы по КУС.

Разработка методических основ образования мордовской начальной школы осуществлялась просветителем в первую очередь в рамках преподавательской деятельности в образцовом двухклассном мордовском начальном училище при КУС. При семинарии было учреждено четыре начальных инородческих училища или, как их еще называли в официальных документах, начальные школы: чувашская, черемисская (марийская), мордовская, вотская (удмуртская). Школы имели общую задачу: они служили базой для педагогической практики семинаристов третьего курса и давали семинарии “довольно значительное число воспитанников, удовлетворительно подготовленных”.

Наполняемость классов инородческих училищ приблизительно составляла по 10 воспитанников от каждой национальности. Первой проблемой, с которой столкнулся мордовский педагог, приступив к исполнению обязанностей учителя начальной мордовской школы, и которую он решал ежегодно, была проблема комплектования.

Поиск кандидатов для обучения в начальной мордовской школе семинарии ученый приобретает к задачам регулярных этнографических и лингвистических экспедиций по Поволжью. К комплектованию училища Евсевьев привлекал знакомых учителей сельских начальных училищ и приходских священников. Отбору способных мальчиков содействовал бывший учитель Евсевьева – Юртов, рекомендовавший

ему “голосистых” и смысленных подростков.

Заботы о формировании состава учеников мордовского училища педагог не оставлял и после того, как перешел на преподавательскую должность непосредственно в семинарии.

Результатом заинтересованной работы по комплектованию образцового двухклассного инородческого училища при КУС стало, в частности, то, что из 21 инородческого семинариста, пришедшего в КУС из начальных училищ при ней, 8 были воспитанниками Евсевьева. Мордовское образцовое двухклассное начальное училище при семинарии – первое мордовское учебное заведение, где до конца были реализованы педагогические принципы Н.И. Ильминского.

Продолжительность обучения в начальных инородческих школах при КУС составляла 3 года. Их программа соответствовала программе сельских начальных училищ. Евсевьев преподавал все предметы курса начального училища, за исключением Закона Божия, который вел законоучитель семинарии.

В первый год обучения мордовские дети учились на родном языке. Профилирующим предметом курса был русский язык. Изучался русский язык на предметных разговорных уроках путем заучивания, перевода и рассказов и азбуки Л.Н. Толстого. Для занятий мордовским языком использовались переводы священной истории и “Букварь для мордвы-эрзи”, подготовленные Юртовым в 1884 г. К 1892 г. Евсевьев, опираясь на опыт преподавания в начальной мордовской школе при семинарии, создает для нее новый комплекс учебной литературы.

Второй год обучения в начальной школе строился на русском языке при использовании родного. Третий год полностью был построен на русском языке как единственном языке обучения.

Методическая система М. Е. Евсевьева как исходные базовые принципы использовала принципы последовательности, системности, доступности, осознанности и наглядности обучения. основополагающий принцип природосообразности требовал от педагога построения обучения от простого к сложному, от известного к неизвестному. Все эти принципы воплощались как в конкретной педагогической практике образцового двухклассного мордовского училища при семинарии, так и при создании учебной литературы для мордовских школ. М.Е. Евсевьев сумел творчески развить передовые педагогические идеи своего времени применительно к особенностям мордовской школы.

Евсевьевым была выработана целостная методика обучения русскому языку в национальной мордовской школе, где он должен был занимать одно из центральных мест. Методика основывалась на положениях К.Д. Ушинского и Н.И. Ильминского. В ее основе лежит принцип сравнительного изучения языковых явлений и аналитико-синтетический звуковой метод. При подобном построении учебного процесса учащиеся самостоятельно изучали русский язык,

развивали логическое мышление, совершенствовали навыки разговорной речи.

Конкретные условия двуязычия мордовского училища, где родной и русский язык последовательно и взаимосвязанно выступали как средство и предмет обучения, потребовали построения обучения от простого к сложному. Чтобы вооружить учащихся знаниями и умениями, необходимыми для свободного пользования русским языком, в первом классе изучался родной язык, а через опору на него – русский язык. Это придавало процессу обучения сознательный характер.

Методическая концепция Евсевьева учитывала психологические особенности освоения детьми чужого языка: ученый-педагог стремился строить формы мышления детей, обусловленные спецификой русского языка, не разрушая привычных форм мышления, сложившихся в раннем детстве в процессе овладения родной речью.

В вопросах о месте и роли родного и русского языка для образования инородцев Евсевьев шел дальше своего учителя Н.И. Ильминского. Последний рассматривал инородческие языки как средство миссионерской пропаганды и орудие изучения государственного русского языка, который для нерусского населения России “составляет не только образовательный предмет, но по мере усвоения ими русской цивилизации и гражданственности является языком живого сношения в жизни”.

М.Е. Евсевьев среди преподавателей и воспитанников Казанской учительской инородческой семинарии (4-й во втором ряду справа)

М.Е. Евсевьев понимал, что приобщение к передовой русской культуре необходимо для нерусских народов России. Путь к этому лежит через изучение русского языка посредством родного. Однако развитие национальной культуры он связывал и с развитием мордовского языка, превращением его из языка семьи в язык школы.

Работая учителем-наставником мордовской начальной школы, и в последующей педагогической практике Евсевьев выявляет и широко использует в учебном процессе национальные компоненты. Известно, что мышление и мировосприятие народа выражены в его языке. Следуя рекомендациям Ушинского, педагог с первых дней обучения мордовских детей последовательно закладывал в них интерес и любовь к родному языку. Развивая традиции, заложенные в училище Юртовым, Евсевьев использовал для этой цели образцы устного народного творчества, которые воплощали в себе “все результаты духовной жизни народа”.

Методика обучения русскому языку с опорой на родной требовала глубокого изучения не только русского языка, но и мордовских языков, их диалектных особенностей. Ученый целенаправленно вел сбор языкового материала в ре-

Отчет
о занятиях по мордовскому языку в Казанском
татарском коммунистическом университете.
За 1^й семестр 1927-28 академ. года.

Группа подготовительная.

Студентов из мордвы на подготовительном курсе МКУ
в количестве 10 человек. По языку подготовительный
курс был разделен на две группы. В одну группу
пошли студенты из Мордовии, в другую из Татарии.
В начале семестра занятия по мордовскому языку
шли в соответствии с программой. В течение
семестра прочитано 20 учебников по мордовскому
языку. Из них 10 учебников по грамматике, 10 по
лексике. В конце семестра студенты сдали экзамен
по мордовскому языку. Результаты экзамена
следующие: 10 человек сдали экзамен на отлично,
10 человек на хорошо, 10 человек на удовлетворительно,
10 человек на плохо.

В занятиях по мордовскому языку студенты
получили представление о родном языке, о его
истории, о его роли в жизни народа. Они узнали
о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.

В занятиях по мордовскому языку студенты
получили представление о родном языке, о его
истории, о его роли в жизни народа. Они узнали
о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.

В занятиях по мордовскому языку студенты
получили представление о родном языке, о его
истории, о его роли в жизни народа. Они узнали
о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.
Они узнали о мордовском языке, о его роли в жизни народа.

Отчет М. Е. Евсевьева о занятиях по мордовскому языку в Казанском татарском коммунистическом университете. 1927 г.

гулярных экспедиционных поездках, в бытовом общении. В эту работу были включены и воспитанники: ученики выступали как корреспонденты и цензоры одновременно.

Изучение живого мордовского языка в различных районах проживания мордвы и опыт преподавания в образцовом двухклассном начальном училище при семинарии позволили М.Е. Евсевьеву создать комплекс учебной литературы для мордовской начальной школы, состоящий из словарного материала, переводов вероучительной и религиозной литературы, образцов народной словесности, Букваря для мордвы-эрзи и Букваря для мордвы-мокши, Первоначального учебника русского языка для мордвы-эрзи и мордвы-мокши. Методическая концепция Евсевьева нашла в учебниках свое дальнейшее развитие.

Педагогу понадобилось семь лет для создания букварей и первоначальных учебников русского языка для мордвы-эрзи и мокши. Особые сложности испытывал Евсевьев при создании учебников на мокшанском языке, который не был его родным. В 1889 г. он предпринимает поездку в мокшанские села Пензенской губернии – Адашево и Старое Пшенево – Инсарского,

Рыбкино – Краснослободского уездов. Живая языковая среда позволила педагогу сделать ряд переводов с эрзянского на мокшанский язык, среди которых были и Букварь с Первоначальным учебником русского языка для мокшанских детей.

Принцип доступности и последовательности в подаче учебного материала Букварей является основным для М.Е. Евсевьева: в начале дается начертание прописной и строчной буквы, затем – слова и предложения. На четвертом уроке педагог вводит параллельно с мордовскими русские слова, преимущественно из бытовой лексики. И мордовская, и русская лексика Букварей облегчала усвоение материала.

Вслед за словами идут примеры их контекстуального использования: предложения, близкие к темам разговоров учащихся; предложения с религиозной направленностью; пословицы, загадки, поговорки. Материалами для чтения выступают переводы религиозных текстов. “Рассказы о двенадцатых праздниках”, включенные в Буквари представляют прозаические миниатюры, связанные единой сюжетной линией, отвечающие строю и поэтике мокшанского и эрзянского языков. К текстам для чтения мордовского отдела отнесены молитвы, пасхальные ирмосы, отличающиеся высокой адекватностью перевода и поэтического языка.

Буквари состоят из “Мордовского” и “Русского” отделов.

Буквари для мордвы-мокши и эрзи, а также одновременно с ними составленные “Первоначальные учебники русского языка” для мордвы-мокши и эрзи, получили высокую оценку и уже в апреле 1893 г. стали использоваться “в употреблении в качестве учебных руководств в младших отделениях мордовских училищ”. Запросы на учебники поступали в Казань из школ Пензенской и Тамбовской губерний, от А.Ф. Юртова и И.Я. Яковлева. Учебники использовались автором в практике мордовской начальной школы при КУС. В 1897 г. пособия были переизданы. Педагог не оставлял работы над совершенствованием Букварей. В 1906 г. попечители Оренбургского и Казанского учебных округов ходатайствовали перед МНП о его командировке в мордовские села “для составления на месте учебников на мордовских языках”.

В 1920 г. на Всероссийском совещании работников просвещения мордвы в Самаре был одобрен букварь на эрзянском языке “Тундонь чи” (“Весенний день”-1923 г.). М.Е. Евсевьев был одним из соавторов нового учебника. “Тундонь чи” использовал принципы “Букваря для мордвы-эрзи” 1928 г. в частности, буквенно-слоговой. Сохранена была и русская графика алфавита Евсевьев полагал, что русская графика мордовского алфавита естественна в условиях тесных этно-культурных контактов.

Букварь “Тундонь чи” получил высокую оценку мордовского учительства и был популярен в практике мордовской школы двадцатых

годов. Издание “Тундонь чи” положило начало регулярному изданию учебных пособий на мордовских языках.

Буквари для мордвы-эрзи и для мордвы-мокши задумывались и издавались одновременно с Первоначальными учебниками русского языка для мордвы-эрзи и мокши.

Структурно “Первоначальные учебники русского языка” делились на два раздела: двуязычный русско-эрзянский и, соответственно, русско-мокшанский словарь и краткий очерк русской грамматики.

В основе учебных пособий были положены принципы передовой русской и мировой педагогической мысли, идеи К. Д. Ушинского и Н. И. Ильминского: учет особенностей родного и русского языка, обучение на сопоставлении их явлений, принцип последовательности, доступности, системности. Методические пособия Евсевьева строились на основе движения от простого к сложному, на сравнительно-сопоставительном подходе к родному и русскому языку, прямом и обратном переводе (с мордовского на русский и с русского на мордовский языки), на сравнении отдельных диалектов и литературного языка, в использовании диакретических знаков при письме, которые наиболее точно отражали фонетику языков. Последнее позволило ученым рассматривать Евсевьева как создателя оригинального мордовского эрзянского и мокшанского алфавитов. Первые методические указания по структуре мордовских языков, присутствующие в “Первоначальных учебниках русского языка”, получили развитие на новом, уже теоретическом этапе работы М.Е. Евсевьева над мордовской письменностью - в “Основах мордовской грамматики”, изданных в 1929 г.

К.Д. Ушинский подчеркивал: “Общей системы воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории...”, у каждого своя система воспитания”. Стремление выявить национально-особенный компонент мордовской школы приводит М.Е. Евсевьева к изучению

педагогической мысли народа.

Энциклопедизм Евсевьева, его знания в области этнографии, истории, филологии народа позволили подойти к изучению социальной педагогики мордвы с единственно верных и эффективных системно-культурологических позиций. Изучение народной педагогики строилось исследователем как изучение части культуры народа, приложения к жизни его философских воззрений.

Среди разнообразных средств народной педагогики центральными в воспитании являются устное народное творчество, обряды, семейный уклад, его традиции, традиции сельского социума, труд, народные игры. М.Е. Евсевьев был убежден, что воспитание в традиционном педагогическом понимании - не единственный фактор, влияющий на развитие человека. Немаловажную роль играет наследственность и среда. Последнее включало такие единицы, как семья, школа, общество, церковь и государство. Наибольшее внимание в материалах ученого уделено воспитанию в семье и обществе. Наиболее целостно механизм народной педагогики воспроизводит такие труды М.Е. Евсевьева как “Мордовская свадьба” и “Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии”. Источниками для изучения народной педагогики служат собранные исследователем мордовские песни, сказки, детские игры.

По евсевьевским материалам можно проследить воспитание ребенка в мордовской семье от рождения до вступления в брак. М.Е. Евсевьев писал: “Родители занимаются воспитанием детей, которое состоит в воспитании физическом и нравственном. Воспитание продолжается почти до совершеннолетнего возраста”. Педагог обращает внимание на гигиену младенца, систему наказаний и поощрений детей, на отношение старших детей к младшим и отношении между разными поколениями семьи, на положение матери в доме, описывает воспитание девочек и мальчиков.

Система воспитательного воздействия народной педагогики мордвы основывалась на естественном включении детей в повседневную жизнь семьи, при котором период отсутствия конкретных педагогических или трудовых обязанностей был крайне непродолжительным. Это подтверждают как сочинения воспитанников Евсевьева по КУС, так и его полевые наблюдения, фольклор.

Мордовский ученый систематически изучал детское сообщество мордовского социума, собирал детский фольклор, сказки, описывал игры детей. Одновременно он предлагал семинаристам собирать и описывать детские игры сел, в которых они были на вакациях.

Изучение педагогического опыта мордовского народа преследовало у мордовского педагога-просветителя ряд целей. Он рассматривал народную педагогику как этнопедагогическую базу мордовской национальной школы. Опыт народной педагогики ученый использует при составлении учебной литературы. Фольклорный компонент присутствует как в Букварях для мордвы мокши и эрзи, так и в Первоначальных учебниках русского языка для них. Приемы народной педагогики применялись педагогом в учебной деятельности с учениками начальных училищ и семинаристами, особенно на ранних этапах обучения. Уроки просветителя строились с активным использованием материалов массовой педагогики: обращение к детскому опыту учеников, отсутствие репрессивных мер (учитель даже говорил негромко), создание в классе семейной атмосферы.

Практика М.Е. Евсевьева в начальном образцовом двухклассном мордовском училище при Казанской учительской инородческой семинарии - первом учебном заведении, открытом специально для мордовских детей, - закладывала основы методики преподавания родного языка в школе и русского посредством родного. Мордовская начальная школа при семинарии была превращена ученым в полигон для апробации нового комплекса учебной литературы для начальной мордовской школы. Просветитель сумел выявить и применить в практике преподавания национальный компонент в форме народной педагогики и образцов народной словесности. Опыт преподавания в начальном мордовском училище стал вкладом педагога в разработку системы воспитания и обучения в двуязычных школах, что было чрезвычайно трудным вопросом своего времени, во многом остались нерешенными и на современном этапе развития мордовской национальной школы.

Важнейшей стороной педагогической деятельности М. Е. Евсевьева стала подготовка кадров народных учителей.

Попытки МНП создать «инородческие училища», т.е. начальные учебные заведения для обучения детей по системе Н. И. Ильминского, требовавшей «единоплеменного» учителя, владеющего как родным, так и русским языком, наталкивались на крайнюю малочисленность таких учителей.

Особенно остро эта проблема стояла в отношении школ для детей мордвы. Учебных заведений с моноэтническим, мордовским составом учеников было крайне немного. По данным за 1908 г., на территории Российской империи на-

*М. Е. Евсевьев
среди мордовской учительской
интеллигенции*

считывалось всего 133 одноплеменных мордовских школы. Причиной превалирования полиэтничных школ стало, прежде всего, дисперсное расселение мордвы. Подавляющая часть учителей была подготовлена как педагоги русской школы без знания и, что важно, без внутренней потребности изучить родной язык учеников. Отсутствие учителей, владеющих мордовскими языками, приводило к тому, что «мордовские школы влчат жалкое существование, русские учителя в мордовских школах сами являются мучениками и учеников мучат». В 1917 г. Мордовское культурно-просветительное общество рассылает в мордовские и эрзянские школы опросный лист, среди вопросов которого был следующий: «Назовите имя и фамилию учителей и учительниц из мордвы, служащих в школе вашего прихода». Характерным был следующий ответ: «К сожалению, в нашу школу назначили русского учителя, не знающего ни языка, ни духа нации. В результате ученики не посещают школу, так как дети не умеют говорить по-русски, а учитель по-мордовски».

На основе анализа личных наблюдений и корреспонденций учителей, Макар Евсевьевич приходит к выводу, что начальное школьное образование мордвы можно расширить и популяризировать среди населения, только привлекая в школы знающих мордовские языки учителей. Еще в 1891 г. он предлагал эффективный путь преобразования Берегово-Сыресевого двухклассного начального училища из русского в мордовское, как оно и организовалось МНП: «...Мне кажется, писал он Х. Паасонену, - что это дело /отторжение мордвой училища. - авт./ еще можно поправить, назначив туда учителей из природных мордвов».

Подготовка учителей, владеющих языками народов Поволжья, велась, в основном, в учительских семинариях края: Пензенской, Саранской, Порецкой, Инсарской, Вольской, Казанской и Симбирской. Эти учительские семинарии, созданные на основе «Правил о мерах к образованию населения России инородцев» (1870 г.), были средними педагогическими учебными заведениями и впервые готовили учителей из среды инородцев, в частности, мордвы.

Особенно важна для нашего исследования деятельность КУС, из стен которой за период ее существования с 1872 по 1921 г. было выпущено 160 мордовских учителей, в чем мы видим немаловажную заслугу М. Е. Евсевьева.

До 1917 г. преподавание в КУС было для Евсевьева единственной реальной возможностью подготовки национальных педагогических кадров. Наряду с общенациональной и общеоб-

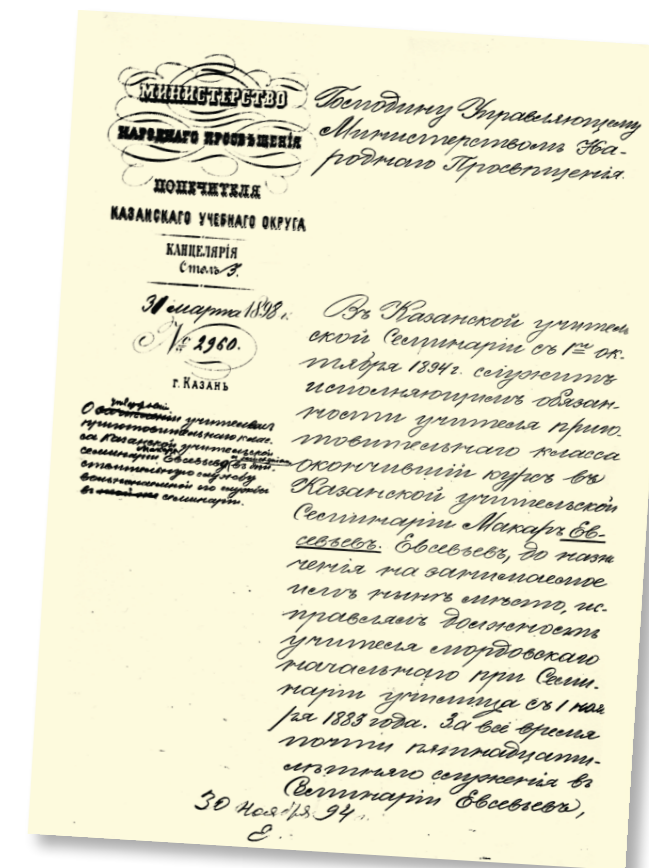

разовательной подготовкой семинаристов, он комплектовал состав семинарии мордовскими юношами, курировал их все время учебы (помогал материально, определял культурные интересы и театральные пристрастия, помогал в учебе, прививал вкус к научным исследованиям в области мордовской культуры и т.д.).

Педагог формировал национальный компонент педагогической подготовки и реализовывал в рамках официальных программ КУС, руководил педагогической практикой и трудовым воспитанием семинаристов.

Преподавательская деятельность в приготовительном классе семинарии, в основных классах этого учебного заведения позволила Евсе-

*Характеристика на учителя КУС
М. Е. Евсевьева. 1898 г.*

*Ученики мордовской школы,
открытой М. Е. Евсевьевым*

веву воспитать целую плеяду национальных педагогов Поволжья. Деятельность Евсевьева, его стремления опережали практику инородческой школы России. Его преподавание задолго до решений инородческого съезда 1909 г. реализовало принципы, выдвинутые резолюцией этого съезда: стремилось создать такую «инородческую национальную школу, т.е. такую народную школу, в которой каждая национальность могла бы воспитывать свою молодежь на родном языке, и сообразно индивидуальным, бытовым, психологическим и историческим особенностям своей культуры и, исходя от нее, приобщаясь к русской культуре, а через нее и к мировой и общечеловеческой культуре». Евсевьев достигал этого использованием опыта национальной педагогики, приобщением учеников к национальным традициям, культуре, формированием самосознания в будущих народных учителях.

На протяжении трех лет обучения в основных классах семинарии преподавался родной язык. Это преследовало две цели: подготовку к переводу религиозной литературы и богослужению на родном языке (выпускники могли занимать должность священника) и практическую подготовку к работе в школе с инородческим составом учащихся.

Инструкция КУС для практических упражнений в употреблении инородческих языков

при начальном обучении гласила: «для учителей сельской школы чрезвычайно важно уметь свободно и толково рассказывать детям на их родном наречии...».

Ученик М. Е. Евсевьева композитор Л. П. Кирюков

Концепция подготовки мордовских учителей М.Е. Евсевьева включала в себя компоненты национальной культуры, современных педагогических знаний, владения методикой, знание русской культуры как способа приобщения к мировой цивилизации. Он готовил народных учителей, в совершенстве владеющих языком населения, знающих его историю, психологию и бытовые особенности.

Творческая активность семинаристов пробуждалась в работе с живым языком: читались мордовские сказки, легенды, песни, собранные педагогом, ученикам предлагалось привести известные образцы устного творчества народа, семинаристы включались в работу над переводами народной словесности, сами собирали мордовский фольклор. Известно, что Л.П. Кирюков в своей знаменитой опере «Несмеян и Ламзурь» использовал темы мордовских песен, записанных в годы обучения в КУС по заданию М.Е. Евсевьева.

Педагогическая практика М.Е. Евсевьева во многом опережала достижения официальной педагогической практики в инородческой школе. Так сохранилось 127 вопросов педагога-просветителя, подготовленных для мордовских учащихся КУС и посвященных религиозным верованиям мордвы. Вопросы эти охватывают сложный мир мифологических и религиозных представлений мордвы, синкретизм ее верований и сложный, оригинальный пантеон.

Эти вопросы сами по себе представляют источник изучения некоторых черт национально-го сознания народа. Приводим некоторые из них: «Не может ли кто-нибудь рассказать про Вираву?», «Что говорят, когда тихо (громко) свистит ветер?», «Что приносят Видяве в день свадьбы в гостинец, и что говорят, когда в воду бросают?», «Не называют ли христианских святых мордовскими именами?», «Как называют домового и домовую: «куд-атя, куд-ава» или «юрт атя, юрт ава»,

или «юртнь кирди», или «кудонь Шибавась»?». Содержание вопросов говорит, прежде всего, о прекрасном знании составителя предмета заданных составителем.

Побуждая учащихся искать ответы на интересные и близкие для них вопросы, Евсевьев решал комплекс задач: формировал вкус к самостоятельной научно-исследовательской работе, пробуждал интерес к привычным вещам, развивал умение анализировать и сопоставлять, превращая предметы и явления обыденного сознания в научный материал, формировал интерес к краеведению, представление о значительности родной культуры.

Национальная культура была основой эстетического воспитания мордовских юношей семинарии. Евсевьев учил видеть ценное в привычных сказках, одежде, обрядах. Педагогический подход просветителя обеспечивал интериоризацию учениками культурного опыта многих поколений мордовского народа, формировал и развивал национальное самосознание учеников.

Правила семинарии требовали проживания всех без исключения учащихся в здании семинарии. Выполняя вечерний надзор дежурного наставника, Евсевьев использовал непродолжительный досуг воспитанников перед отходом ко сну для бесед с ними. Ученики М.Е. Евсевьева на протяжении всей жизни вспоминали эти беседы о национальной культуре на родном языке. Подобные разговоры велись и на квартире М.Е. Евсевьева, расположенной, как и у других преподавателей, в здании семинарии. П. И. Бурмистров рассказывал: «Все время интересовался нами, приглашал на квартиру, показывал костюмы, бусы, серьги, браслеты, которых у него было очень много, так как он часто ездил их собирать

в Пензенскую, Симбирскую и Нижегородскую губернии... Обязательно покажет од ружья, надеет на себя... На святках любил наряжать нас и сам наряжался в национальные костюмы, и мы ходили из квартиры в квартиру к его знакомым... он искусно и именно по-мордовски одевал нас в эти костюмы. Даже делали мордовские сценки».

Этнография позволяла, с одной стороны, формировать национальное самосознание воспитанников, укреплять национальный менталитет, сдерживала процесс ассимиляции в условиях городского окружения, с другой - решать методические задачи педагогической подготовки.

Педагог-просветитель целенаправленно формировал круг чтения своих подопечных, знакомя их с литературой, посвященной обрядам, языку, верованиям эрзян и мокшан, в частности с книгами И.Н. Смирнова, А. О. Хейкеля, А.А. Шахматова. Недостаток библиотечного фонда семинарии он компенсировал книгами из личной библиотеки, выписывал необходимые публикации РГО, обращался к ученым с просьбой выслать необходимые для его занятий книги.

Инородческие занятия с мордовскими воспитанниками семинарии педагог-просветитель строил на принципе двойной культуросообразности. Это позволяло сохранять и развивать уважение к культуре родного народа и приобщать учеников к богатству русской культуры, а через нее - к достижениям всей цивилизации.

Педагогические принципы М.Е. Евсевьев внедрял в сознание учеников, будущих национальных учителей, как опосредованно, так и целенаправленно - в ходе руководства педагогической практикой мордовских семинаристов в образцовом двухклассном начальном училище при семинарии.

Воспоминания семинаристов позволяют го-

ворить, что воспитывающим было само общение семинаристов с наставником, которому стремились подражать. Л.П. Кирюков вспоминал: “Мы, семинаристы, Макара Евсевьевича очень любили как педагога и обожали как человека. Требовательный к своему предмету, справедливый в оценке знаний, всегда спокойный, М.Е. Евсевьев для нас, готовящихся к педагогической работе, был идеалом педагога”. И.П. Кривошеев писал: “По натуре он был спокойным, добрым, простодушным. Голос своего на воспитанников семинарии никогда не повышал. Наставления давал спокойно, отечески... И вообще отношение Макара Евсевьевича ко всем семинаристам было заботливое, старательное, демократически простое. Семинаристы его уважали и любили”.

Евсевьев не оставлял своих воспитанников и после окончания КУС. Он руководил выбором их места работы, оказывал методическую помощь, помогал в подборе специальной литературы. В мемориальном музее М.Е. Евсевьева МГПИ хранится несколько книг подаренных педагогом своим бывшим воспитанникам. Среди них его сборник “Эрзянские песни” с дарственной надписью мордовскому журналисту П. Глухову. Л. Кирюкову Евсевьев подарил сборник школьных песен Н. Суворова. Этот сборник был одним из немногих, специально предназначенных для “потребностей школьной жизни”. Он был подарен М.Е. Евсевьеву автором, но оказался у ученика-композитора.

В докладе Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев (1905 г.) председатель Совещания А. С. Будилович отмечал мордву как единственную среди народов Поволжья, не имеющую учительских школ. В 1906 г. М.Е. Евсевьев подготовил проект подоб-

ной школы, которую предлагает открыть в селе Каменка Белебеевского уезда Уфимской губернии (Оренбургский учебный округ). Выбор села объяснялся с одной стороны, наличием компактно проживающей мордвы, с другой - пониманием и содействием со стороны руководства учебного округа, во главе которого стоял Н. А. Бобровников.

Проект Евсевьева был близок к проекту крещено-татарской школы в Казани, открытой Н.И. Ильминским. Педагог подготовил и рекомендовал для работы учительской школы двух своих воспитанников по КУС, разработал учебные планы и программы преподавания, распределил предметы и обязанности между учителями.

Строительство помещения школы, начатое весной 1907 г., завершилось к началу осени. Но открытие мордовской учительской школы не состоялось. Продвижение и реализация проекта были связаны с влиянием Н.А. Бобровникова, внесшего серьезный вклад в развитие образования нерусских народов Казанского и Оренбургского учебных округов. Бобровников содействовал своему бывшему ученику и единомышленнику в открытии учительской школы. В 1907 г. его переводят из Оренбурга в Москву, и проект Евсевьева остается без влиятельной поддержки.

Идея создания мордовской учительской школы вновь зазвучала в 1917 г. На съезде мелких народностей Поволжья, М.Е. Евсевьев внес ряд предложений о просвещении мордвы, вошедших в его резолюцию. Постановление о ходатайстве перед Министерством об открытии учительских семинарий присутствует, как настоящее, в протоколе № 1 Мордовского культурно-просветительного общества 21 мая 1917 г.: “Одной из главных причин отсталости мордвы

в деле просвещения является полное отсутствие учительских семинарий для мордвы. Эти семинарии ежегодно могли бы выпускать учителей-мордвов, знающих хорошо быт, нравы и нужды своего народа.

Постановили возбудить ходатайство перед господином Министром народного просвещения о принятии мер к поднятию просвещения среди мордвов, выдвигая в этих целях на первый план открытие учительских семинарий”.

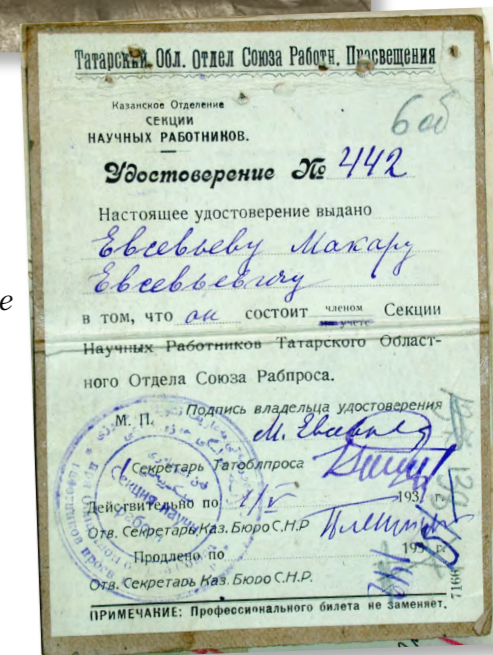
Педагог-просветитель последовательно отстаивал необходимость открытия национальных учительских школ, как насущную необходимость для просвещения мордовского народа. Аргументация просветителя чиновникам МНП отличалась от тех доводов, которые он выдвигал перед миссионерскими кругами края, доказывая роль национального учителя в деле христианского просвещения мордвы.

Реализация планов относительно создания учебных заведений для подготовки мордовского учительства связана с его сотрудничеством Евсевьева с Народными комиссариатами по просвещению и по делам национальностей. В августе 1920 г. в Самаре, на Всероссийском совещании работников просвещения мордвы этот вопрос настойчиво ставится вновь.

В 1924 г. Г.К. Ульянов писал: “...в первый период Советской власти, когда все национальные окраины и районы служили ареной гражданской войны, трудно было говорить о планомерном развитии педагогического образования. Педагогические учреждения возникали стихийно... без руководства Наркомпроса”. Ульянов указывает, что к 1924 г. у мордвы было 4 педагогиче-

Обучение грамоте в мордовской школе

Удостоверение М.Е. Евсевьева

ских техникума. Все они создавались при непосредственном участии М.Е. Евсевьева.

В 1918 г. в селе Мачкасы Петровского уезда Саратовской губернии по инициативе Петровского отделения Мордовского культурно-просветительного общества была открыта первая учительская семинария (с 1922 г. Петровский педтехникум). Первыми руководителями и учителями семинарии были ученики М.Е. Евсевьева М.И. Кручинин и И. Ф. Прокаев.

После закрытия в 1920 г. КУС препон со стороны властей в деле развития подлинно национальной интерес большевиков к проблематике специфических практически прекращается подготовка мордовских учителей. Учительские курсы в Казани призваны были создать базу для

Макар Евсевьев среди мордовской интеллигенции

подготовки национальных кадров мордовской школы. М.Е. Евсевьев создает курсы, состоящие из двух подготовительных отделений и одного основного класса. Учебный план наряду с традиционным, содержал национальный компонент: курс предусматривал изучение мордовского языка, национальной истории и этнографии.

Осенью 1920 г. трехгодичные мордовские учительские курсы из Казани были переведены в село Малый Толкай Бугурусланского уезда Самарской губернии.

Курсы открывались практически на пустом месте: кроме помещения они не имели учебно-материального оснащения. М.Е. Евсевьев обращается за помощью в Татарский народный комиссариат просвещения с просьбой о помощи. Татарнаркомпрос разрешил использовать оборудование и инвентарь Казанских курсов курсами Малого Толкая. Педагог тщательно подбирал учебники и учебные пособия в магазинах Казани, следил за отправкой их. С его помощью курсы в Малом Толкае были открыты 15 февраля 1921 г. Позднее они были преобразованы в мордовский педтехникум, затем в педагогическое училище.

До конца своих дней Евсевьев интересовался жизнью мордовских учительских курсов в Малом Толкае, оказывал преподавателям методическую помощь, помощь в выборе литературы. Преподавателями центральных мордовских трехгодичных курсов были ученики М. Е. Евсевьева: В.Н. Калужнов, Е.Б. Буртаев, М.М. Скобелев, М.М. Кузьмин.

Острота потребности в учителях начальной школы требовала организации краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке мордовских учителей. Это и стало заботой Евсевьева. В 1925 году он возглавил работу мордовского отделения Центральных чувашских курсов по переподготовке народных учителей в Ульяновске. В материалах о работе курсов находим следующую оценку: "На мордовском отделении было представлено мордовское учительство лишь Ульяновской губернии. Но эти курсы для мордвы явились единственными в этом году, но и вообще первыми, т.к. специальных мордовских курсов до сих пор не было. Учителя из мордвы на курсах впервые встречались, делились опытом работы в своей национальной школе, впервые слушали лекции по языку, истории и этнографии мордвы, впервые организованным коллективом обсуждали вопросы поднятия своей национальной культуры и перевода школ на родной язык". Здесь же особо подчеркивалось духовное влияние мордовского ученого на учительство. Курсы закончили 46 мордовских учителей.

Опыт курсов в Ульяновске Евсевьев использует при организации и руководстве курсов по подготовке и переподготовке мордовских учителей в Москве, Казани, Самаре, Симбирске, Нижнем Новгороде, Саратове и Саранске, которые работали с 1926 по 1930 г. Эти курсы знакомили с новыми программами, планами и методиками преподавания, директивами Наркомпроса, но в центре стояли вопросы преподавания на мор-

довских языках, работы по новым учебникам.

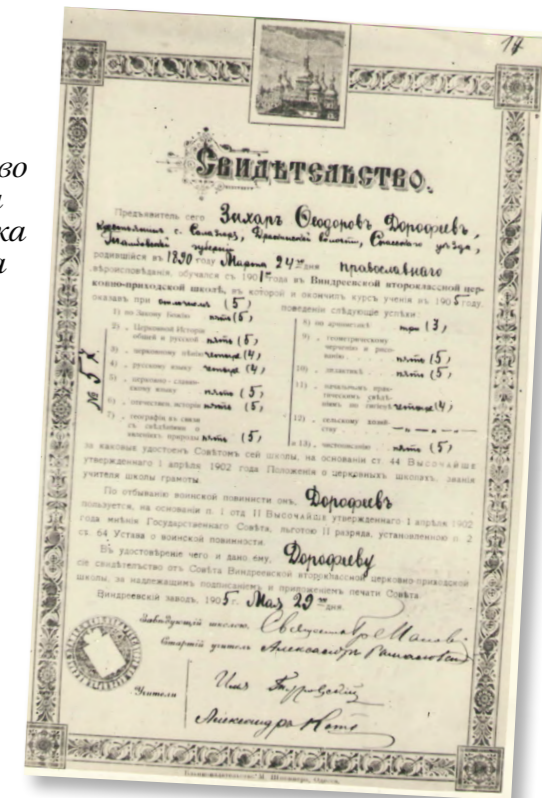
Для чтения лекций на Всероссийских курсах по подготовке мордовских учителей М.Е. Евсевьев привлекал видных деятелей Наркомпроса и представителей национальной мордовской интеллигенции - Н.К. Крупскую, М.Н. Покровского, А.В. Луначарского, Г.К. Ульянова, С.Д. Эрзю, руководителя молодежи Бажанова. Через евсевьевские курсы переподготовки прошли лучшие представители мордовского учительства, питомцы Казанской учительской семинарии: Е.В. Скобелев, Л.П. Кирюков, З.Ф. Дорофеев, М.И. Намумкин, И.Ф. Прокаев, Н.П. Дружинин, А.А. Красноперов, В.И.Кирдяшкин.

В первое послереволюционное десятилетие, продолжая лучшие традиции российского учительства, активной и демократичной формой организации общественно-педагогического движения, образования и культуры стали национальные съезды по просвещению. М.Е. Евсевьев совместно с Г.К.Ульяновым, Бодякиным и др. принял активное участие в организацию целого ряда совещаний по вопросам просвещения эрзи и мокши. В декабре 1919 г. М.Е. Евсевьевым и Е.В. Скобелевым было организовано совещание работников по просвещению мордвы в селе Челпанове Ардатовского уезда Симбирской губернии. На совещании было принято решение об открытии в селе Челпанове трехгодичных мордовских педагогических курсов на средства Главпрофобра, что должно было отчасти решить острую

Макар Евсевьев, среди слушателей первых Центральных курсов по переподготовке народных учителей. Москва, 1926 г. (Третий слева во втором ряду – скульптор С.Д.Эрзя)

Свидетельство об окончании школы ученика М.Е.Евсевьева Захара Дорофеева

российском совещании работников просвещения мордвы в Самаре, в сентябре 1924 г. в Москве - на Всероссийском съезде мордовских учителей. Как правило, повестку работы съездов готовил М.Е. Евсевьев: решались вопросы материального и кадрового обеспечения мордовской школы,

Еще одной формой участия Евсевьева в подготовке национальной интеллигенции и национального учительства была его работа в высших учебных заведениях Казани. В 1921 г. была создана Казанская Восточная академия, позднее реорганизованная в Восточный педагогический институт. С первых дней существования академии Евсевьев избирается ее профессором, преподает мордовский язык и этнографию мордвы. С 1925 по 1930 г. он преподавал мордовский язык, историю и этнографию мордвы в Татарском коммунистическом университете и параллельно в Казанском педагогическом техникуме. Здесь он стремился решать те же задачи, которые ставились и реализовывались в процессе преподавания в Казанской учительской семинарии: глубокие знания должны были стать опорой развития педагогического мастерства и национального самосознания.

Бывший студент Коммунистического университета С.Е. Ипполитов вспоминал: "Уроки истории мордвы, - рассказывал он, - представляли для студентов особенно живой интерес, так как до этого они совершенно не знали историю своего народа". М.Е. Евсевьев сумел впервые не только наметить основные проблемы изучения исторического прошлого мордовского народа, но и предложил методику ее преподавания в школе.

История, этнография, родной язык служили национальным наполнением программ подготовки мордовских учителей, разработанных М.Е. Евсевьевым. В часовом соотношении эти курсы занимали значительное место в общем объеме часов учебного плана.

Просветитель был убежден, что националь-

ный учитель должен стоять близко к народу, знать его нужды и чаяния, особенности его культуры и делал для этого все от него зависящее.

Курсы истории, этнографии, языка мордвы М.Е. Евсевьев впервые разрабатывал применительно к среднему специальному и высшему педагогическому образованию. В их основу ученый положил исторические источники, труды историков и этнографов о мордве, а также собранные и обработанные им мордовские исторические песни и легенды собственные историко-теоретические изыскания.

Усилия М.Е. Евсевьева по подготовке учителей для школ Поволжья и мордовских национальных учителей занимали основные профессиональные интересы педагога-просветителя на протяжении пятидесяти лет, его активной научно-педагогической деятельности.

Важным для себя он считал непосредственное общение с мордовским учительством. Такие возможности создавала экспедиционная и инструкторская деятельность. Он жил в учительских семьях, знал многих, привлекал их детей к учению в семинарии. Со многими семьями эти контакты стали постоянными. М.Е. Евсевьев присутствовал на уроках в отдаленных мордовских селах, оказывал методическую помощь, помощь учебной методической и художественной литературой.

Фигура М.Е. Евсевьева стала живым воплощением всего лучшего, что все народы вкладывают в емкое слово "Учитель".

М. Е. Евсевьев среди слушателей курсов мордовских учителей на красной площади в Москве. 1926 г.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Важнейшим направлением деятельности М.Е. Евсевьева как ученого-энциклопедиста было изучение истории и культуры родного народа. Работа носила многосторонний характер и выражалась в сборе, изучении и сохранении различных сторон национальной культуры (языка, фольклора, этнографии, комплекса религиозных представлений и т.д.), популяризации собранных сведений и материалов, как среди научной общественности, так и среди народа-носителя этой культуры. В ходе работы выявлялась комбинация базовых свойств, составляющих совокупный образ этноса, «национальный характер» мордвы.

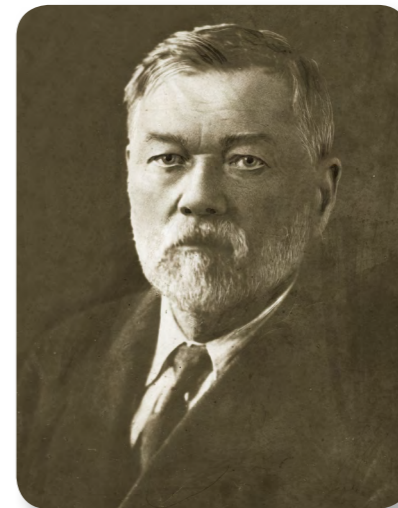
Деятельность М.Е. Евсевьева в области развития и сохранения мордовских языков, начатая в русле официальной политики МНП и миссионерского общества Братства св. Гурия, имело широкую просветительскую направленность. Работу мордовского ученого можно представить по следующим направлениям: сбор образцов живого разговорного эрзянского и мокшанского языков; популяризация богатств языков; разработка алфавита; переводы на эрзянский и мокшанский языки текстов религиозного и вероучительного содержания, в ходе работы над которыми, через поиск адекватных выражений сложных понятий и русских языковых оборотов, шло строительство мордовского литературного языка, развивался его лексический и грамматический строй; сбор лексического материала и создание мордовско-русского словаря; развитие теории мордовских языков.

Изучение мордовских языков до последней четверти XIX века (момента появления первых работ М.Е. Евсевьева в этой области), занимало как миссионерские круги, так и ученых-лингвистов. Важная роль в становлении эрзянского письменно-литературного языка принадлежит А.Ф. Юртову. М.Е. Евсевьев вслед за учителем продолжил работу над совершенствованием мордовского алфавита. Работая над Букварями для мордвы-эрзи и мордвы-мокши (1892 г.), он развивает мордовский алфавит на основе русской графики, при этом исключает графемы, не соответствующие звуковому строю эрзянского и мокшанского языка ("ять", "твердый знак", "фита"), и вводит новую графему «н» и двойное звуковое обозначение буквы «щ» для эрзянского языка как «щч» и «шт», что закреплено в его современной орфоэпии.

Графическая система мордовских языков, разработанная в Букварях Евсевьевым, очень точно соответствует фонетическому принципу письма. Ученым были разработаны алфавиты, отвечающие строю живого эрзянского и мок-

шанского языка. Фундаментом работы по созданию мордовской письменности М.Е. Евсевьев сделал сбор, обработку и популяризацию образцов живого эрзянского и мокшанского языка.

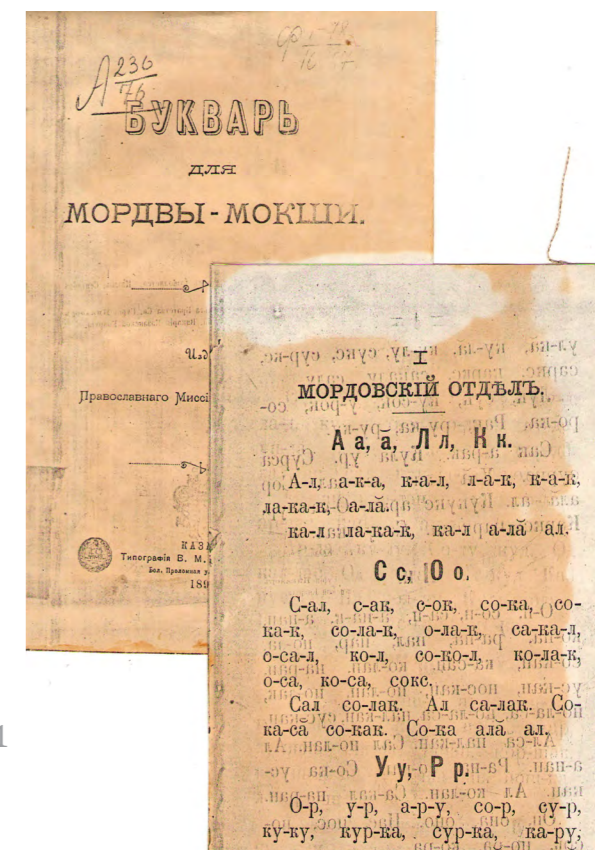
Мокшанские и эрзянские народные песни, сказки, легенды, загадки имели и продолжают иметь высокую самостоятельную ценность как зеркало национального менталитета, представля-

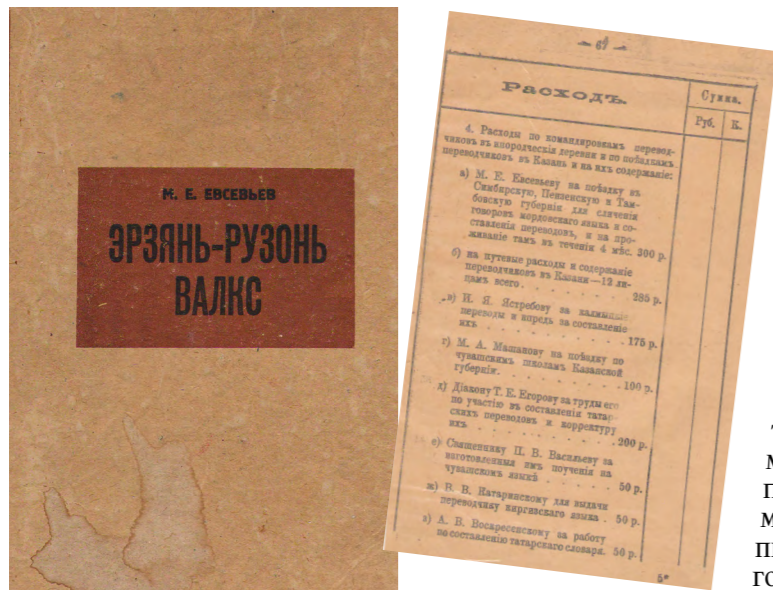

ющее высокие достижения духовной культуры народа, служившие транслятором этой культуры в условиях безписьменности. Материалы живого разговорного языка, опубликованные в «Образцах мордовской народной словесности», собранные и обработанные в записях этнолингвистических экспедиций, использовались М.Е. Евсевьевым в работе над мордовской учебной литературой, были важной составной частью учебно-методического комплекса литературы для мордовско-мокшанской и мордовско-эрзянской начальных школ. Сбор, сохранение и обработка мордовской народной словесности были важны также с точки зрения истории языкознания мордвы и нового языкового строительства. Фольклорные записи точно фиксировали звуковые особенности каждого говора, что разрешало мордовскую диалектологию.

«Мордовское сырье», по выражению А.Ф. Юртова, стало основой выработки единого литературного языка. Народная поэзия, обработанная М.Е. Евсевьевым, рассматривается учеными в качестве источника мордовской поэзии и мордовской литературной традиции.

Букварь М. Е. Евсевьева для мордвы-мокши

Обложка «Эрзянского словаря» М. Евсевьева и отчет о его поездках по изучению мордовских говоров

Выработка норм литературных мордовских языков и литературной мокшанской и эрзянской традиции происходила и в результате переводческой практики М.Е. Евсевьева в области произведений религиозного и вероучительного содержания.

«Заниматься мордовским языком теоретически (практически я, как природный мордвин, знаю его с детства) я стал с 1883 г., т.е. с первых же дней моей службы в Казанской инородческой учительской Семинарии, по указанию покойного директора означенной Семинарии Н. И. Ильминского, - писал М.Е. Евсевьев в 1909 г. - Под его руководством я перевел сначала на эрзянское наречие мордовского языка, а потом на мокшанское до 10 книг религиозно-нравственного содержания (все изданы Казанской переводческой Комиссией)».

До образования переводческой комиссии на мордовских языках в XIX веке было издано несколько книг на мордовских языках, в том числе «Сократический катехизис» (1804 г.), «Краткий катехизис» (1808 г.), «Евангелие» (1821 г.) и некоторые другие. Переводческая Комиссия продолжила этот список книгами преимущественно на эрзя-мордовском языке, так как большая часть мордовского населения Казанского учебного округа принадлежала к этой этнической группе. Вышло около двадцати книг. Г. К. Ульянов, анализируя состояние мордовских изданий до революции, сообщал, что комиссия подготовила следующие издания: «Наставления земледельцу», «Святые бывшие врачами и ремесленниками», «Избранные жития святых с января по май», «Святый благоверный князь Александр Невский», «Преподобная Феодора», «Молитвенник», «Конспект уроков по закону Божию в мордовской начальной школе» и прочее.

Издательские требования не предполагали публикации имени автора, восстановить при-

надлежность переводов можно лишь по косвенным свидетельствам. С 1883 по 1910 г. М.Е. Евсевьевым были подготовлены переводы на эрзянском и мокшанском языках, знаменовавшие собой новый, более высокий этап развития письменно литературных языков мордвы: «Крещение Руси при князе Владимире», «Святое Евангелие от Луки», Молитвы и Пасхальные ирмосы, Священная история Ветхого и Нового Завета, жития святых и другие. Первой официальной оценкой переводческих трудов Евсевьева следует считать письмо Н.И. Ильминского министру Народного просвещения графу И.Д. Делянову. Документ является частью официальной переписки между Харьковским учебным округом и МНП по поводу создания учебной литературы на мокшанском языке. Дока-

зывая Делянову компетентность неизвестного тому учителя семинарии в переводческой деятельности, Ильминский подробно характеризует его предыдущую переводческую практику: «С самого начала своей службы он обнаружил бескорыстное усердие и способность к переводческому делу... Ко времени получения упомянутого запроса попечителя Харьковского учебного округа (1891 г. - Авт.) имелись уже в Казани напечатанные на эрзянском наречии Священная история Ветхого и Нового Завета, Евангелие от Матфея, история двенадцати праздников и Букварь (Юртова), Евангелие от Луки, Крещение Руси, Молитвы и Пасхальные ирмосы - перевод - Евсевьева. Работы последнего оказались для мордвы гораздо яснее и понятнее и вообще складнее и правильнее по языку».

Близость переводов Евсевьева мордве Ильминский объясняет постоянной работой переводчика с живым разговорным языком, в среде его носителей. Сообщая о ходе работы Евсевьева над переводами на мокшанский (неродной для него) язык, Н. И. Ильминский указывает, что основная часть переводов сделана непосредственно в мокшанских селах. Издания М. Е. Евсевьева в рамках заказа переводческой комиссии Братства св. Гурия способствовали становлению письменно литературных языков мордвы и закладывали традиции издания национальной литературы.

Мордовский ученый принял и развил технику переводов, разработанную Н. И. Ильминским: опора на живой разговорный язык народа, учет уровня его культурного и языкового развития, этнопсихологических особенностей. Н. И. Ильминский был убежден, что «практического знания инородческих языков..., которое не осмыслено основательно теорией, не достаточно для удовлетворительного исполнения переводов и сочинений». «Нужны упражнения, чтобы набить руку. - Писал он. - Поэтому и знающим инородческие языки можно посоветовать начать дело с перевода или изложения простых рассказов

из Священной истории...». Именно «набиванием руки» занимались семинаристы КУС на «инородческих» занятиях. Закономерно, что к окончанию семинарии мордовский просветитель был достаточно теоретически подготовлен для «покушения на переводы догматических или церковно-богословских текстов».

М. Е. Евсевьев видел в мордовских языках самостоятельную научную ценность. «Вообще, - писал он к А. А. Шахматову, - мордовский язык представляет богатейший материал для науки - это какой-то необъятный океан, из которого сколько ни черпай, никогда не вычерпаешь». Изучение живого языка было в центре интересов исследователя на протяжении всей его жизни. С первых шагов проявились такие особенности научных интересов Евсевьева, как широта и многообразие, что позволило комплексно решать многие вопросы культурного развития мордвы.

Усилиями мордовского ученого в научный оборот был введен богатейший пласт духовной культуры мордовского народа - его язык. Материалами М.Е. Евсевьева пользовались русские и финские языковеды, этнографы, историки, в

Фотографии М.Е. Евсевьева, сделанные им во время экспедиций в мордовские села

частности А.А. Шахматов, И.Н. Смирнов, Д.В. Бубрих, А.А. Гераклитов, Ф.Е. Корш, Х. Паасонен, П. Равила и др. Лингвистические материалы, собранные Евсевьевым и сейчас находятся в активном научном обороте.

В письме 1909 г. академику А.А. Шахматову М.Е. Евсевьев писал, что собранный фольклорно-лингвистический материал есть результат всех его поездок, то есть этнографических экспедиций, поездок по поручению МНП и переводческой комиссии, собственно фольклорно-лингвистических исследований. Экспедиционно-полевые работы были регулярными с 1885 по 1898 г. и в 1908 г. возобновились. Богатый экспедиционный материал, собранный в селах

Пензенской, Тамбовской, Нижегородской, Сибирской губерний, позволил ученому предпринять классификацию эрзянских говоров.

Полная схема склонений и спряжений эрзянского языка была составлена М.Е. Евсевьевым в 1909 г., в 1910 г. ученый провел параллели по другим говорам. Он критически оценивал эту работу, поэтому продолжал её до конца жизни.

Лексический материал первых экспедиций позволил просветителю создать рукописный вариант первого эрзянско-русского словаря. В научной оборот материалы словаря были введены со ссылками на авторство М.Е. Евсевьева И.Н. Смирновым в работе «Мордва». Макар Евсевьевич работал над словарем на протяжении всей жизни.

В 1923 г. исследования языков северокавказских, угро-финских и тюркских народов начала специальная комиссия по проблемам письменности Совета по просвещению национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР. Расширяется работа по формированию норм мордовских языков и созданию литературы на разных языках. М.Е. Евсевьев активизирует обработку словарного материала, необходимого для языкового строительства. Словарь Евсевьева зани-

мал важнейшее место в издательских планах Центрального Совета по просвещению национальных меньшинств. Материалы словаря были опубликованы лишь в 1931 году (Эрзянь-рузонь валкс. М.: Центриздат, 1931). Однако ученому не довелось увидеть труд всей его жизни. «Даже рукопись не получила окончательного оформления», - писал в рецензии на словарь П. Равила.

Эрзянь-рузонь валкс «охватывает лексику мордовского-эрзя и -мокша языков с буквы «а» до «к» включительно, объединяет около 2500 слов-вокабул, в число которых входят фразеологизированные словосочетания. Словарь Евсевьева впервые в истории лексикографической работы дает толкование мордовского слова,

раскрывает грамматическое содержание слова и специфику его распространения в диалектах. «Эрзянь-рузонь валкс» вообрал в себя лишь часть языкового материала, собранного лингвистом. Архивом М.Е. Евсевьева как лингвистическим источником пользовались ученые при разработке проблемы словообразования в мордовских языках и при составлении более поздних мордовско-русских словарей.

М.Е. Евсевьевым была создана первая систематическая грамматика мордовских языков. Эта работа явилась началом научного изучения мордовских языков (эрзянского и мокшанского).

«Основы мордовской грамматики» стали результатом длительных и систематических экспедиций ученого и его теоретической научно-лингвистической и педагогической работы. Подходы к работе Евсевьев наметил при издании Букварей и разработкой в них мордовских алфавитов. «Давно собираюсь написать мордовскую грамматику, - делился ученым с А.А. Шахматовым, - но не хватает смелости. Кое-какую не хочется, а хорошую трудно составить, так как мордовский язык в этом отношении почти не затронут. Это письмо относится к началу века, т.е. к периоду активного и плодотворного экспедиционного накопления лингвистического материала и его обработки. Своеобразной апробацией «Основ мордовской грамматики» стали лекции М.Е. Евсевьева по мордовскому языку для национальных учителей на курсах Казанской восточной академии, в Татарском коммунистическом университете и в Казанском педагогическом техникуме.

В целях упорядочения мордовской письменности в августе 1928 года в Москве состоялась мордовская языковая и методическая конференция, которая носила сугубо научно-теоретический характер. По свидетельству участников совещания, «М.Е. Евсевьев с мелом в руке у классной доски разбирался в грамматических основах мордовских языков, чтобы дать ... некоторые практические знания по вопросам правописания. На этой конференции особенно чувствовалось, какое научное языковое богатство

имела мордовская народность в лице Макара Евсевьевича». Конференция по предложению Макара Евсевьевича приняла единые правила по эрзя- и мокша - мордовской орфографии с целью ликвидации принципа «пиши, как говоришь», укоренившегося в мордовской письменности. На конференции был узаконен принцип орфографии на основе фонетического письма. Этот принцип остается доминирующим в эрзя-мордовской орфографии и в настоящее время. База упорядочения мордовской орфографии, созданная М. Е. Евсевьевым, использовалась на начальном этапе языкового строительства в Мордовии, остается актуальной и на современном этапе развития языка.

«Основы мордовской грамматики» вышли в свет в 1928 году. Переиздавалась эта работа в 1931 и в 1963 годах. Труд получил высокую оценку ведущих лингвистов и учителей-практиков. Так, Д.В. Бубрих, которому принадлежат две рецензии на «Основы...», отмечая ряд недочетов труда мордовского ученого, тем не менее, писал: «Мордовская грамматика М.Е. Евсевьева представляет собой труд весьма солидный, вполне удовлетворяет практические запросы. Нет ничего лишнего, и в то же время есть все существенно нужное. Нет ложной научности, которая ныне часто встречается в практической грамматике, но есть прекрасный здравый смысл»

Разработка фонетического строя эрзя-мордовского языка, предпринятая М.Е. Евсевьевым, служила образцом для создателей последующих мордовских грамматик. В «Основах мордовской грамматики» подробно описан состав гласных и согласных фонем, они строго классифицированы, выявлены все фонетические закономерности. Ученый на бытовом лингвистическом материале подробно описал морфологические особенности эрзя-мордовского языка, разработал теоретические основы его морфологии. Эта работа отличается глубиной характеристик мордовских диалектов (мокша и эрзя языков), широтой охвата языкового материала. Книга, явившись крупным событием в научной жизни мордовской интеллигенции, остается важным источником изучения истории языкового строительства и учебной литературы на мордовских языках.

Научный интерес М. Е. Евсевьева к религиозно-обрядовой стороне жизни мордвы был заложен педагогами Казанской учительской семинарии, которые разрабатывали домашние задания на время вакаций (каникул) семинаристов, с учетом особенностей национальной культуры учеников. Целенаправленное изучение языческих обрядов мордвы молодой ученый стал делать по заказам Переводческой комиссии православного общества Братства св. Гурия. Для составления переводов и учебников Комиссия требовала параллельного «обследования» говоров мордов-

ского языка и религиозно-нравственного состояния мордвы».

М. Е. Евсевьев показал миссионерским деятелям, насколько прочно языческие обряды вошли в религиозное сознание мордвы, переплелись с обрядами христианскими, слились с церковными праздниками. Вывод Комиссии соответствовал желанию и планам просветителя: «Сведения, полученные Комиссией о религиозном быте мордвы и о чрезвычайной устойчивости во многих местностях языческих преданий среди нея, убедили Комиссию в необходимости миссионерского воздействия на мордву путем открытия школ и издания вероучительных книг на мордовском языке».

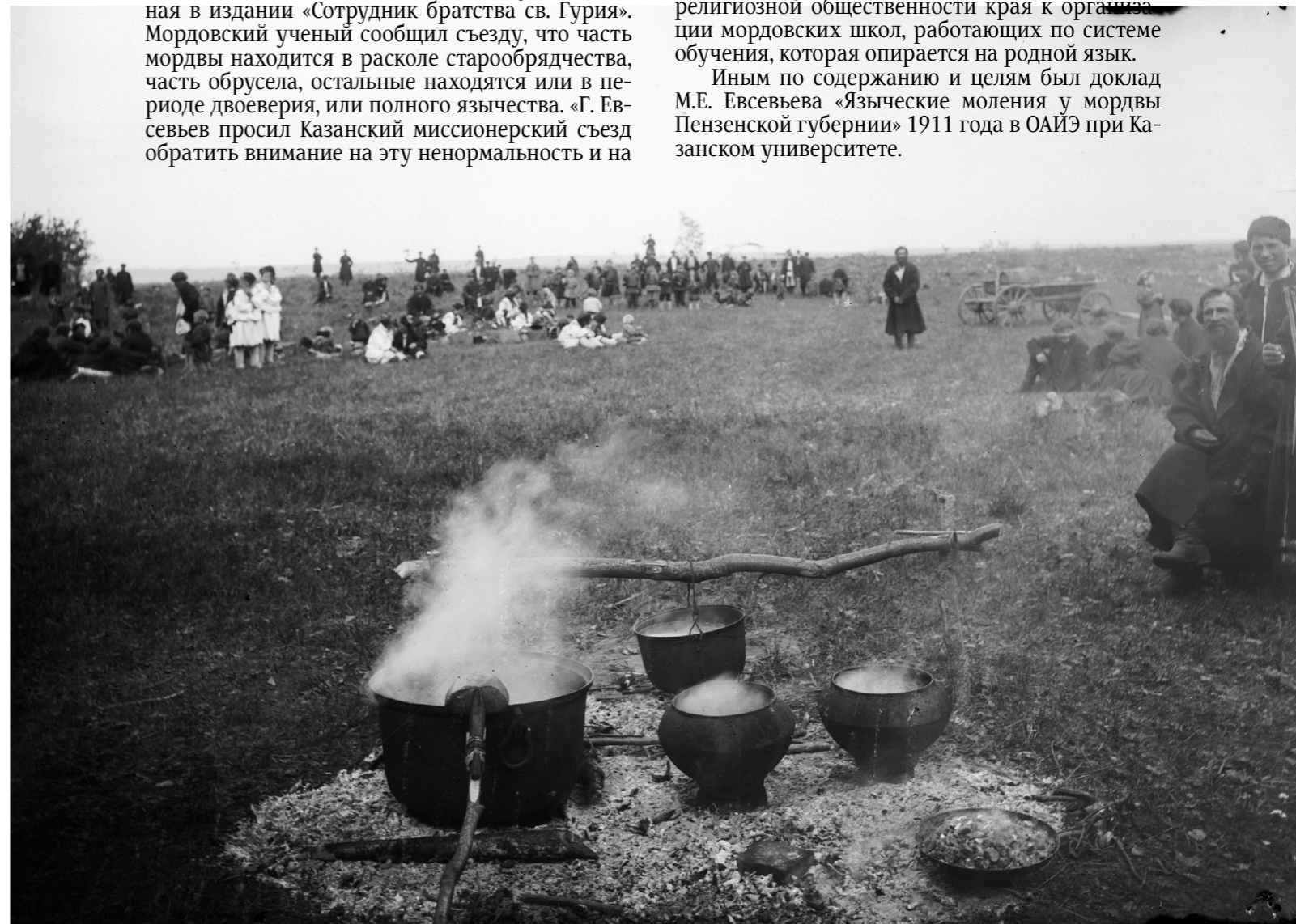
Сведения о религиозных верованиях мордвы М. Е. Евсевьев обнародовал и на Миссионерском съезде в Казани в 1910 году. Проект программы съезда, опубликованный в 1908 году, предлагал в качестве тем для обсуждения, наряду с прочими, «выяснение современного религиозно-нравственного состояния инородцев». М.Е. Евсевьев ограничивает свой доклад съезду лишь материалами о мордовских языческих культах, хотя к тому времени у него был собран богатый материал о культах и верованиях других народов Поволжья. Содержание доклада дошло до нас в изложении «Участника съезда», именно так подписана статья «Новая опасность», опубликованная в издании «Сотрудник братства св. Гурия». Мордовский ученый сообщил съезду, что часть мордвы находится в расколе старообрядчества, часть обрусела, остальные находятся или в периоде двоеверия, или полного язычества. «Г. Евсевьев просил Казанский миссионерский съезд обратить внимание на эту ненормальность и на

то, что многие инородцы, о которых уже привыкли думать, как о вовсе обруселых, на самом деле нуждаются в самом бдительном попечении со стороны русских властей и до такой степени, что во многих местах у таких инородцев еще совершенно необходимо применять систему Н.И. Ильминского».

Очевидно, что доклад М.Е. Евсевьева, вызвавший оживленный обмен информацией о положении дел христианства у других крещеных инородцев, преследовал конкретные цели: нарисовав объективную картину состояния христианизации мордвы, он пытался привлечь силы религиозной общественности края к организации мордовских школ, работающих по системе обучения, которая опирается на родной язык.

Иным по содержанию и целям был доклад М.Е. Евсевьева «Языческие моления у мордвы Пензенской губернии» 1911 года в ОАИЭ при Казанском университете.

Информация вызвала понимание в среде коллег, параллели в обрядах мордвы с грузинскими и русскими обычаями, что доказывало мысль мордовского ученого об общности и ценности каждой из национальных культур. Закономерно, что изучение духовной жизни родного народа шло у Евсевьева вместе с исследованием разнообразных чувашских, марийских и татарских обрядов. Личный архив ученого хранит неопубликованные описания этих обрядов - результат полевых экспедиций - и материалы учеников по КУС. Интерес к культурам соседних с мордовским народом был продиктован, с одной

стороны, пониманием взаимовлияния и взаимопроникновения культур, с другой, - осознанием значения каждой культуры как феномена.

На заседании ОАИЭ было высказано пожелание: видеть сообщение М. Е. Евсевьева напечатанным в «Известиях Общества», но докладчик объяснил, что материал обещан автором другому изданию. Этим изданием стал печатный орган РГО «Живая старина», на страницах которого в 1914 г. были опубликованы «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии». Это издание во всей полноте представило научной общественности России мордовские праздники и обряды годового цикла.

М.Е. Евсевьев рассматривает древние языческие культы, изучает их генезис в христианскую эпоху. Ученый подчеркивает взаимодействие русской и мордовской культур, проявившееся в некоторых обрядовых заимствованиях.

Обряды, записанные в селах Волгапино Краснослободского уезда, Вечкенино Наровчатского уезда, Кардофлей Городищенского уезда являлись типичными проявлениями земледельческих общинных культов народов Поволжья. Древние культы пользовались уважением у мордвы даже тогда, когда их уже не отправляли. «Общественные языческие моления у меня на родине, - сообщал в 1893 году Евсевьев, - ... оставлены лет 15-ть назад, но вера в них еще крепко держится в народе: все общественные

бедствия последних лет... мордва принимает, как наказание или месть со стороны предков за неисполнение древних обрядов».

Наиболее дальновидные из приходских священников эмпирически приходили к пониманию важности языческих культов в жизни мордвы и приспособлялись к древним представлениям. Мимикрия сельских священников вызывала ощутимые симпатии в среде язычествующих христиан, хотя лишало христианское учение целостности и не позволяло воспринимать подлинно христианское сознание прихожан. В отчете Русскому музею от 1910 года М.Е. Евсевьев пишет: «Как видно, совершаемые в Волгапине общественные моления в настоящее время представляют из себя смесь христианских обрядов с языческими. Но я должен заметить, что это смешение произошло не по желанию мордвы, а по настоянию местного духовенства с целью вытеснения первыми последних. Обычай этот ведет свое начало с 1828 года по предложению Пензенского первосвященника и практикуется во всех мордовских селах, где только сохранились общественные моления».

Ученый неоднократно описывал участие священников в молянах, присутствие священников на языческих собраниях документально зафиксировано и на фотоснимках этнографа. Синкретизм христианских догматов и языческих верований был свойствен и мировоззрению мордвы и имел своеобразные формы. М.Е. Евсевьев сообщал, что крестьяне деревни Верхний Мувал после принятия крещения заменили жертвенную конину на бычка: «В первый год после крещения принесли в жертву жеребенка - ничего, в следующий год - тоже ничего, а на третий год - не успели разойтись после моления по домам, как пойдет каменный дождь! Весь хлеб выбил, немало и скота погубил! Тут старики поняли, что крещеную конину есть нельзя и с тех пор стали закалывать бычка». В архиве ученого сохранилась легенда о строительстве церкви в селе Старая Бесовка: чтобы ускорить строительство храма, чьи стены постоянно рушились, в фундамент была заживо замурована девушка Снальтедь, украденная в соседней деревне. Этот материал был передан Евсевьеву А.Ф.Юртовым, работавшим учителем в этом селе. Тема жертвы часто встречается в мордовском фольклоре. Сравнительная этнография дает массу примеров обряда принесения в жертву с целью «либо умилоствления жертвой духов земли, либо превращения души самой жертвы в покровительствующего демона».

Мордовский просветитель рассматривал эволюцию религиозных представлений мордовского народа, как эволюцию национального миропонимания. Принимая как естественное изменение религиозного сознания мордовского социума, он стремился как можно полнее сохранить такой феномен культуры как языческие обряды мордвы конца XIX - начала XX вв.

в описаниях. Призывая Русский музей финансировать этнографические экспедиции, он писал в 1911 г.: «Весьма вероятно, что мы больше никогда не увидим языческих молений мордвы: в последние годы они исчезают с неимоверной быстротой, и в настоящее время сохранились в весьма немногих селениях».

Задачи изучения, сохранения и пропаганды национальной культуры решались и другим направлением в этнологической работе мордовского просветителя - описанием семейно-брачных отношений мордвы, которые давали «богатейший материал для изучения жизни и творческой деятельности мордовского народа».

Можно говорить о целостном подходе ученого к мордовской этнографии, где каждая из работ представляет самостоятельное звено в ожерелье культуры, но действительно «Мордовская свадьба» сама является целостным ярким и профессионально обработанным памятником, своеобразной энциклопедией мордовской жизни.

Описание свадебного обряда делалось М.Е. Евсевьевым в Симбирской, Казанской и Нижегородской губерниях. Публичное представление «Мордовской свадьбы» состоялось на заседании Неофилологического общества в 1891 г. Сам автор на заседании не присутствовал. Работа была представлена его учителем и старшим товарищем, членом Общества Н.А. Боровниковым.

При обсуждении отмечались прекрасные переводы Евсевьевым мордовских песен и притчаний, образность языка, тонкое знание традиций и поверий народа. Столь яркий результат был следствием близости для М. Е. Евсевьева предмета наблюдений. Ученый всегда ощущал себя сыном своего народа, семейные обычаи которого ему были близки, дороги, не воспринимались как странный архаизм. В предисловии к последующим изданиям от автора было сказано: «Описание мордовской свадьбы сделано мною со слов покойной матери Ирины Петров-

ны... Потом оно неоднократно проверялось и дополнялось на основании личных наблюдений, сделанных мною в молодые годы на свадьбах своих братьев, сестер и других моих родственников, на которых мне не один раз приходилось исполнять и роль уредева - дружки - и покш кудо - старшего поезжанина».

Материалы «Мордовской свадьбы» дополнялись вплоть до 1930 г. Наряду с эрзянскими были описаны и мокшанские свадьбы. Задача работы виделась просветителю в том, чтобы сохранить заключенный в нем «богатейший материал для изучения жизни и творческой деятельности мордовского народа».

«Энциклопедия мордовской жизни» была создана просветителя из собранных и обработанных ими сказок, песен, легенд.

Первый выпуск «Образцов мордовской народной словесности» вышел в свет в 1897 году. Академик А. А. Шахматов, отмечая «значитель-

ное собрание мокшанских песен в строго выдержанной транскрипции», подчеркивал, что евсевьевское «собрание исторических песен является единственным по богатству и разнообразию».

Внимание к национальной песне просветитель объяснял ее значением для самобытной культуры народа, его эстетики: «Великую силу имеет национальная песня. В ней излиты все страдания народа, вся его тоска по родному. Мы должны беречь народную песню, как святыню, которая служит облагораживающе на человека и может смягчить его сердце». Издание мордовских песен и сказок М.Е. Евсевьев предпринимал неоднократно.

Язык, мифы, обычаи, по мнению психолога - основа изучения этнопсихологии. Исходя из этого, фольклорные материалы Евсевьева можно рассматривать и как основу мордовской этнопсихологии. Собранные и обработанные просветителем образцы устной народной словесности, описанные им национальные традиции и обряды, позволяют на современном этапе национального строительства реконструировать во многом утраченные этнопсихологические особенности мордвы.

Опору духовной культуры мордовского народа просветитель видел в культуре материальной. С 1885 г. он целенаправленно собирал этнографические коллекции: предметы быта, религиозно-культурные комплекты одежды, музыкальные инструменты, родовые знаки.

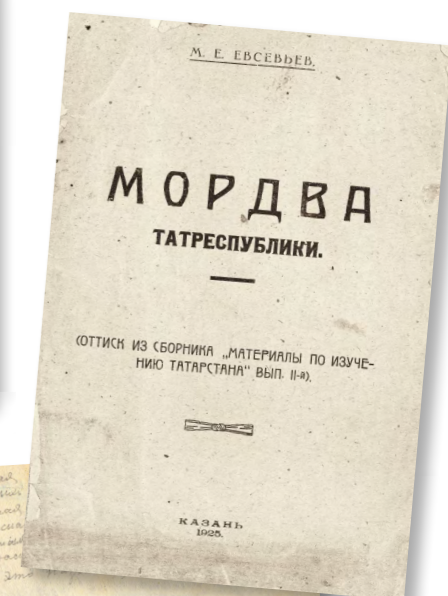
Задачи первой этнографической экспедиции Евсевьева (1885 г.) определялись ее руководителем А. О. Хейкелем следующим образом: «При всех путешествиях и исследованиях, главною целью моею было изучение предметов, относящихся до построек и одежды различных племен и их экономическая деятельность вообще». Интересы молодого ученого М. Е. Евсевьева более широки и универсальны. Финский этнограф, настоятельно рекомендовал выступить ему с сообщением в ОАИЭ: «рассказать об... мокшанских избах, и о костюмах... о языке, жертвоприношениях в Нижегородской губернии и о виденных курганах, о мещерах села Курилово и их костюмах...».

В экспедициях, следовавших за поездкой с Хейкелем, 1886 - 1897 годов и 1908-1912, 1914 и 1920-х гг. мордовскому ученому удалось собрать, систематизировать, описать огромный пласт материальной культуры мордовского народа и других народов Поволжья.

До Евсевьева музеи не имели полного собрания этнографических коллекций по мордве. Экспонаты носили случайный характер, лишавший их всякой ценности. В записных книжках ученого встречаем замечание о посещении этнографической экспозиции: «В шкафу с черемисскими - мордовская эрзянская рубашка. Перепутаны эпохи». Ученый обоснованно полагал,

что «все собиратели были, по-видимому, люди малосведущие в этнографии, и не старались собирать коллекции, а покупали только то, что им предлагали, и таким образом составлялись коллекции, отдельные части которых принадлежат к разным периодам времени. Головные уборы такие, которые носили 50 лет назад, нагрудные украшения - 20 лет назад, а рубашка такая, которую носят сейчас. Кроме того, многих частей совсем не имеется».

М.Е. Евсевьев стремился донести эту мысль до музейных работников. В письме к Н. М. Могиланскому он писал: «... до сих пор свежо у меня то тяжелое чувство, которое я вынес 20 лет тому назад из посещения этнографического отдела Румянцевского музея, где плохо одетые манекены имели вид огородных пугал. Затем мне не раз приходилось слышать на нижегородской выставке в 1896 году, как многих приволжские инородцы при обозрении этнографического от-

дела выражали неудовольствие по поводу того, что их национальные костюмы представлены в безобразном виде и тем давали невыгодное представление об их племени».

Просветитель считал, что задача музейной экспозиции в том, чтобы представить эстетическое развитие народа, а это возможно лишь тогда, когда костюм экспонируется целно, так, как он бытует или бытовал, но в исторически-пространственном комплексе. Задача эта оказалась неразрешимой для многих собирателей мордовских коллекций из-за отсутствия энциклопедического подхода к национальной культуре, которым обладал М.Е. Евсевьев. Ученый рассматривал костюм материализованным эквивалентом религиозных, этических, эстетических представлений народа: «...в мордовском женском костюме так много разных мелочей, часто связанных с разными обрядами и тем положением, которое женщина занимает в семье, что в них иногда могут разбираться только сами женщины - ...Костюм мордовских женщин находится в связи с говором мордвы, малейшая перемена в костюме всегда указывает и на перемену в говоре, а также и на разницу в обычаях и обрядах».

М.Е. Евсевьеву удалось собрать более 500 ценнейших этнографических коллекций по мордве. Его усилиями создавались этнографические коллекции и других народов Поволжского региона, что было закономерным результатом дисперсного расселения народов, их тесным межэтническим контактом. «...Эти племена живут вперемешку с мордвою, и с бытом их и языком я знаком с детства», - писал он Н.М. Могилянскому.

Происхождение и профессия сделали мордовского исследователя знатоком практически всех основных нерусских языков Поволжья. Это позволяло целенаправленно редуцировать собранные экспонаты, но главное, продуктивно изучать быт и обычаи этих народов. По сведениям современных этнографов, Евсевьев собирал коллекции для западноевропейских музеев Гамбурга и Берлина, Национального музея Финляндии (Хельсинки) и Гельсингфорского университета, музеев Венгрии и Эстонии.

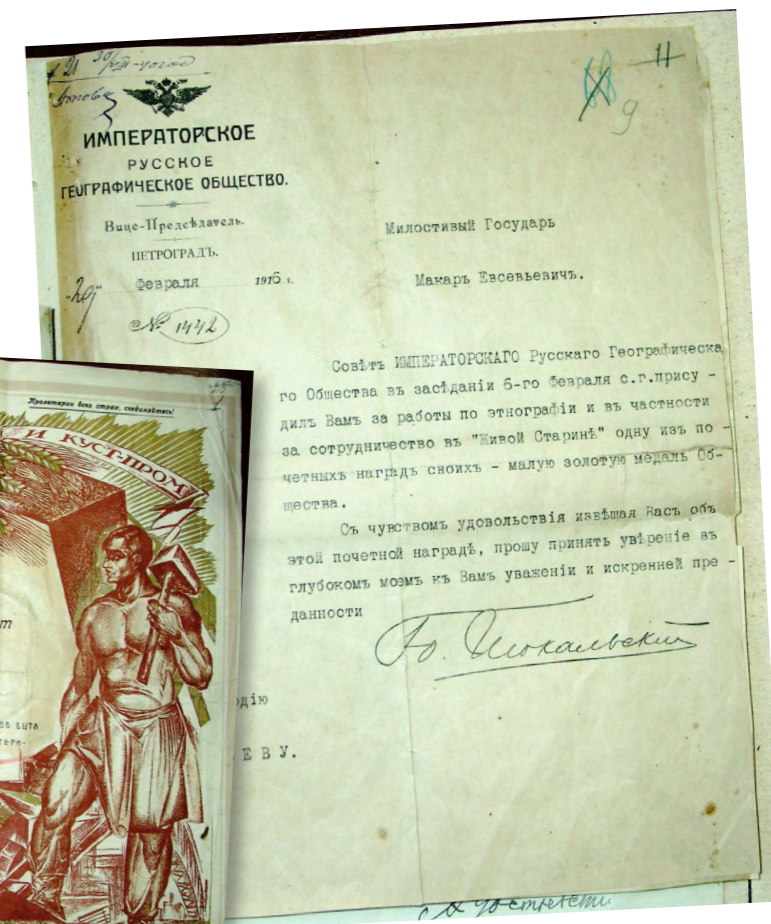
Наиболее последовательно принципы М.Е. Евсевьева по комплексному представлению материальной культуры народов Поволжья были реализованы им в самостоятельной музейной работе, когда он занимал должность заведующего этнографическим отделом Государственного музея ТАССР. Он не ограничивался этнографией мордвы. В 1920 году он создал оригинальную коллекцию одежды низовских чуваш.

В 1923 г. ученому присуждается золотая медаль Всероссийской сельскохозяйственной кустарно-промышленной выставки в Казани за коллекцию вышивок и одежды мордвы, единственную по полноте.

После работ А. Хейкеля до М.Е. Евсевьева никто не сумел столь подробно описать мордовскую вышивку. Его сведения используются и развиваются в современном декоративном творчестве Мордовии.

Мордовский просветитель рассматривал музеи как важное звено в формировании представлений о общественности России об «инородческих племенах» и мордовском народе, как

*Награды М.Е. Евсевьева –
Малая золотая медаль Императорского
Русского географического общества (1916 г.)
и Диплом I степени Первой сельско-
хозяйственной и кустарно-промышленной
выставки СССР (1923 г.)*

части этих «племен». Пропагандируя красоту культуры, самобытность ее проявлений и бытования, создавая образ народа-созидателя ценностей важных для мировой культуры, просветитель способствовал формированию самосознания своего народа как основного механизма его экономического и социального подъема. М.Е. Евсевьев привлекает внимание национальной публики к этнографическим выставкам, как части культурных событий в жизни страны и национальности. Особенно усиленно он делает это в среде своих воспитанников и мордовских учителей, то есть наиболее активных носителей и пропагандистов национальной идеи, знающих национальную культуру через ее бытовые проявления. Так, на первом съезде мелких народностей Поволжья он приглашает в географический музей участников (в основном учителей и священнослужителей). В 1931 г. М.Е. Евсевьев устраивает выставку на юбилейных торжествах 1-й годовщины Мордовской автономной области.

Документальным подспорьем М. Е. Евсевьеву в научно-просветительской работе стали его фотографические циклы. Ученый одним из первых оценил такие достоинства фотографии, как познавательность, точность, документальность. Фотографический аппарат стал неизменным инструментом исследователя в деле сохранения, изучения и популяризации духовного богатства мордовского народа. А сам ученый прекрасным фотографом-профессионалом. Со второй

половины 80-х годов XIX в. составление фотоальбомов присутствует в планах этнографических исследований. В результате М.Е. Евсевьеву удалось создать фото галерею многообразных этнических типов народов Поволжья и показать наглядно самобытность их культуры.

Наблюдательность, теоретическая подготовленность автора, его высокая образованность сделали евсевьевские фотографии бесценными документами. Не случайно, что они пользовались большой популярностью в научных кругах России: к фотоснимкам Евсевьева обращались А. А. Шахматов, Н. М. Могилянский, Н. Ф. Катанов, редколлегия журналов «Живая старина» и «Известий Русского географического общества». Фотографии М. Е. Евсевьева и его полные комментарии к ним используются и современными этнографами, историками, издателями. Документальность фотоматериала позволила просветителю переломить отношение музейных экспозиционеров к национальному костюму. Фотография заставляла оценивать детали одежды как материальное отражение в сознании народа эстетических, религиозных, космологических представлений. Этому способствовало то, что фотосъемка фиксировала комплексы одежды в пространственно-временной среде бытования, позволяя реконструировать ее в сознании зрителей. Фотографические материалы использовались М. Е. Евсевьевым при составлении этнографических экспозиций в государственном музее Татарской АССР, этнографических экспо-

Воззвание к мордовскому народу

Граждане эрзя и мокша!

Въ Казани въ май мѣсяцѣ 1917 года во время Общаго сѣзда великихъ народностей Поволжья создавалось „Мордовское культурно-просвѣтительное Общество“.

Цѣль Общества объединение интеллигентныхъ и народныхъ силъ мордвы для подготовки народа къ жизни при новомъ государственномъ строѣ и поднятїи культурнаго состоянїя мордвы.

Общество, какъ недавно возникшее, имѣетъ пока мало членовъ и бѣдно культурными силами, но учредители Общества надѣются, что то великое и святое дѣло, дѣло просвѣщенїя своей нации, привлечетъ всѣхъ сознательныхъ мордвовъ въ члены и всю интеллигентную мордву въ сотрудники Общества. Учредители О-ва надѣются, что мордовская интеллигенція не ограничится одною запискою въ члены Общества, а всѣчески будетъ содѣйствовать на мѣстѣхъ проведению цѣлей и задачъ Общества. Она должна создавать мѣстные организации на подобїе мордовскаго культурно-просвѣтительнаго Общества въ Казани. Эти мѣстные организации должны объединить всю мѣстную мордву. Для этого необходимо въ ближайшемъ будущемъ устроить мѣстные сѣзды.

Пусть эти сѣзды на первое время будутъ малочисленны—это не бѣда. Гдѣ очень мало интеллигентной мордвы и невозможно устроить свой сѣздъ, тамъ можно воспользоваться общими учительскими и другими сѣздами и здѣсь составить общїй планъ дѣйствїй. Никакое дѣло не можетъ быть успешно выполнено безъ общаго плана, а тѣмъ болѣе такое великое дѣло, которое мы начинаемъ.

Мѣстная мордовская интеллигенція и мѣстные организации должны воспитывать въ своемъ народѣ любовь ко всему родному. Интеллигенція должна знакомить мордву съ ея прошлымъ, бытомъ, нравами и читать мордовскїя произведенїя, къ изданїю которыхъ приступило Общество. Во всѣхъ школьныхъ библиотекахъ должны быть книги на мордовскомъ языкѣ. Выписывая эти книги обязаны записка наравнѣ съ русскими книжками. Тамъ, гдѣ учителя знаютъ мордовскїй языкъ, съ этой же сѣней должны начать преподаванїе въ первомъ классѣ на мордовскомъ языкѣ. Если это будетъ невозможно, въ виду отсутствїя учебниковъ, то все же необходимо мордовскому языку отвѣсти почетное мѣсто на урокахъ объяснительнаго чтенїя.

Наша мѣстная интеллигенція и теперь при этомъ все то, что создавалось нашей вѣками. Сердце каждого сознательнаго мордвина должно соприкасаться при одной мысли объ этомъ. Вся мордовская интеллигенція дружно должна заботиться за собиранїе всего ценнаго, нѣчто-то записывать устныхъ мордовскихъ произведенїй (пѣсни, сказки, пословицы, сказочные образы и т. д.), собирать національные костюмы и другїя старинныя вещи. Наша интеллигенція собственными силами, конечно, не въ состоянїи собрать всѣ богатства народныя, а потому она должна внушить народу мысль о необходимости хранить все старинное.

Великую силу имѣетъ національная пѣсня. Въ ней излиты всѣ страданїя народа, вся его тоска о лучшемъ, всѣ его идеалы. Каждый изъ насъ развѣ не испытывалъ чувства униженїя, слушающаго родную пѣсню, развѣ не охватывала насъ тоска по родному. Мы должны беречь народную пѣсню, какъ святыню, которая служитъ облагораживающе на человека и можетъ смягчить его сердце. Гдѣ есть возможность, необходимо образовывать національныя хоры.

Религія есть святое дѣло души человека, поэтому весьма желательно введенїе богослуженїя на родномъ языкѣ. Въ настоящее же время пусть священники говорятъ мордвѣ проповѣди на родномъ языкѣ. Великою пользу принесутъ они знанїе религіи и національному дѣлу.

Общество наше бѣдно денежными средствами, а потому мы призываетъ всѣхъ сочувствующихъ цѣльнѣ общества прїйти на помощь ему денежными пожертвованїями какъ изъ личныхъ средствъ, такъ и путемъ сбора по подпискамъ листовъ среди мордвы и устройства спектаклей и вольно музыкальныхъ вечеровъ и т. п. въ пользу Общества.

Всѣ, у кого есть возможность, должны отъ лица Общества или отъ своего имени обратиться къ губернскимъ, уѣзднымъ и волостнымъ земствамъ за матеріальной помощью для изданїя мордовской газеты и брошюръ на родномъ языкѣ.

19 августа 1917 года.

Учредители Общества.

Ядрѣ Общества:

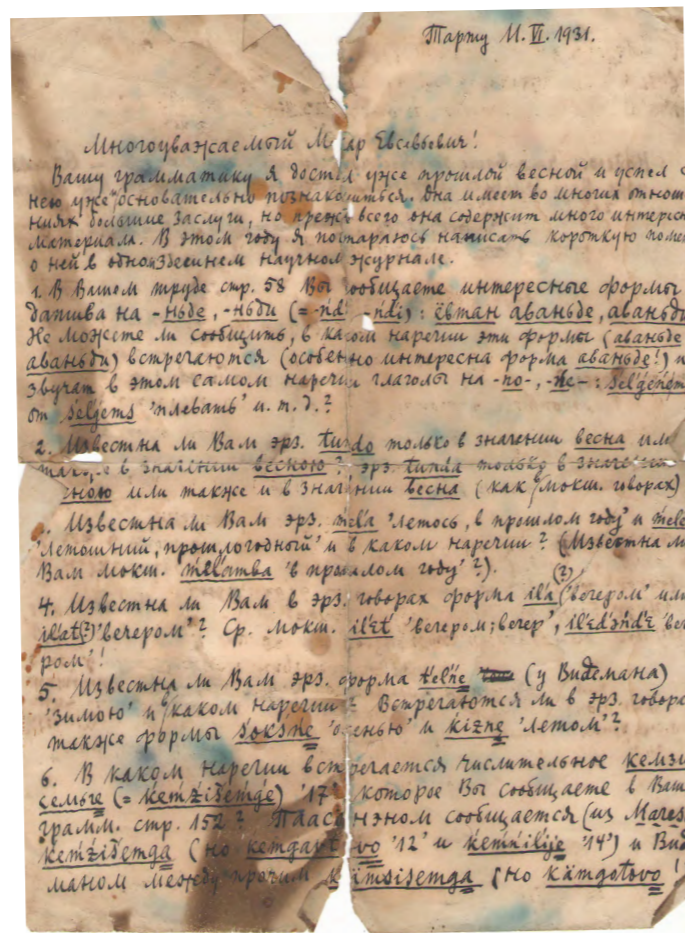
КАЗАНЬ

Учительская Семинарія

Президиумъ Мордовскаго культурно-просвѣтительнаго Общества.

задачи его как ученого-энциклопедиста - просвещения народа. Конвергентность идеологических построений внутри регионально близких этносов (финнов, тюрков, славян) позволяла доказать тезис о значении и ценности этих культур и их носителей как для Российской империи, так и для цивилизации, что повышало в глазах общественности статус «инородческих племен», ломало стереотип культурного пренебрежения. «Каждый народ, - писал М.Е. Евсевьев,- как бы он не был малочислен и не культурен, все же составляет часть одного общего, целого, что мы называем человечеством, и бесследное исчезновение отдельного, никем не изученного племени, когда вместе с ним погибает все его духовное богатство и все особенности его внешней культуры, явится несомненным ущербом для науки будущего, для которой каждое явление в жизни человеческого обществ будет иметь важное значение и явится предметом тщательного изучения».

Усилия мордовского ученого по созданию полных этнографических коллекций, изучению языка и обычаев народа оценивались русскими учеными как значительный вклад в науку вообще, а не только как некое сырье для последующего анализа. «Таковыми изученьями и трудами, - писал о нем профессор В.И. Ламанский, - образованные наши инородцы приносят честь и

зиций народов Поволжья Русского музея, передавались экспозиционным материалом в музей России, Финляндии, Венгрии, Германии и других европейских стран.

Современное значение фотографического наследия М.Е. Евсевьева огромно: это и возможность реконструкции историко-культурного пласта конца XIX - начала XX века, и история самой фотографии и материал для продуцирования современных произведений национального искусства.

По мнению старшего коллеги М.Е. Евсевьева, автора четырехтомной истории «Русской этнографии», А.Н. Пыпина для состояния русской этнографической науки последней четверти XIX века было немыслимо соединение в одном лице ученого и собирателя.

Происхождение и образование сделали М.Е. Евсевьева счастливым для этнографии Поволжья исключением, соединив в его лице собирателя и исследователя: просветителю принадлежат как собрания этнографических коллекций и образцов словесности, так и серьезные работы в области этнографии.

Непредвзятость, оригинальность и комплексность сведений позволяли ученому охватить все стороны традиционной культуры, что являлось фундаментом для реализации сверх-

пользу своей народности, вносят ценные вклады в русскую литературу, науку и образованность».

Опору духовной культуры мордовского народа М.Е. Евсевьев видел в культуре материальной: он целенаправленно собирали предметы быта, религиозного культа, комплекты одежды, музыкальные инструменты, родовые знаки. Ученый подходил к культуре своего народа с позиций понимания ценности отдельного этноса как неотъемлемой составной части общечеловеческой цивилизации. М.Е. Евсевьев предупреждал: «Каждый народ, как бы он не был малочислен и некультурен, все же составляет часть одного общего, целого, что мы называем человечеством, и бесследное исчезновение отдельного, никем не изученного племени, когда вместе с ним погибает все его духовное богатство и все особенности его внешней культуры, явится несомненным ущербом для науки будущего, для которой каждое явление в жизни человеческого обществ будет иметь важное значение и явится предметом тщательного изучения».

Изучение национально особенного в духовной культуре мордвы, популяризация идеи ее ценности в среде носителей объективно способствовали формированию социального чувства и самоидентификации народа, его этнической консолидации.

Задачи формирования национального самосознания определили для М.Е. Евсевьева необходимость воссоздания исторического прошлого народа. Ученый опирался на данные этнографии, фольклористики, археологии, письменные источники. Проводилась селекция реальных и вымышленных событий, разрабатывались подходы к объективной интерпретации национальной истории.

Ученый категорически расходился с позициями великодержавных русификаторов, которая красноречиво была изложена А. Мартыновым: «Недалеко то время, когда мордовское племя совершенно сольется с великорусским и след его исчезнет. Надо пожелать этого и другим финским племенам, более упорным в своей народности, каковы чуваша, черемисы и проч. Жаль следа исторических народов, оставивших памятники письменности и искусств: когда же подобные, упоминаемые нами, народцы, почти полудикие, поглощаются сильнейшим и более образованным племенем - жалеть тут не приходится. Одного должно пожелать, чтобы многочисленные ручьи племен, разбросанных по России, поскорее слились в одно славянское море». М.Е. Евсевьев писал о другом: «...Сколько каждый год уносит ценного в вечность из жизни мордвы! Необходимо спешить с изучением». «Харак-

терные культурно-бытовые черты мордовского племени исчезают с необычайной быстротой, а вместе с ними меняется и исчезает самый язык народа, его предания, песни и сказки». В личной переписке, в переписке с музеем просветитель доказывал необходимость изучать традиционную культуру мордвы там, где она еще сохранилась.

Музейные и выставочные экспозиции, научные доклады и издания содействовали основной цели: сформировать у публики и в среде научной общественности отношение к мордовской культуре как части общечеловеческой культуры. Подобная работа прямо и опосредованно развивала национальное самосознание мордовского народа - основу национально-культурного развития каждого этноса.

Историко-этнографические исследования ученого-просветителя показали, что народы Поволжья, принадлежащие к разным языковым семьям, отличающиеся численностью, бытом, традициями, объединены общностью исторических судеб, относятся к единому цивилизационному процессу. Исчезновение черт традиционной культуры не связывалось ученым с вымиранием нации. В подтверждение его позиции самый полный этногеографический справочник начала XX века выделял мордву «из всех племен Поволжья и Прикамья» как «наиболее рослый, здоровый и крепкий на-

род, не обнаруживающий никаких признаков вырождения». Изменение культурных традиций связывалось М.Е. Евсевьевым как с размыванием этноса смешанными браками, так и экономическими изменениями в капитализированной России - включенностью населения в межэтнические контакты за счет изменившейся экономической жизни села, проникновением фабрично-мануфактурных изделий в быт и тому подобное.

Описания религиозных народных и бытовых обрядовых праздников мордвы сделанные мордовским просветителем позволяют восстановить во многом утраченный менталитет народа, его идеалы, представляют богатейший культурный пласт этноса. Не менее ярким является такое явление традиционной мордовской культуры, сохранный для нас М. Е. Евсевьевым, как образцы мордовской народной словесности. Он рассматривал мордовские языки как «богатейший материал для науки». Язык имел для уче-

ного самостоятельную научную ценность, в то же время был материалом для создания учебников на мордовских языках для мордовских начальных школ. Национальная культура, изучаемая и пропагандируемая просветителем, должна была стать основой национальной школы, ее учебников, литературы, важным компонентом воспитания народных учителей.

